

The background of the entire image is a dense field of orange and yellow bubbles of various sizes, set against a blue background. The bubbles are more concentrated in the lower half, creating a fiery or energetic effect.

ДЕМ МИХАЙЛОВ

ИНФЕР 5

Улыбнись бване, гоблин!

Инфериор

Дем Михайлов

Инфер 5

«Автор»

2021

Михайлов Д.

Инфер 5 / Д. Михайлов — «Автор», 2021 — (Инфериор)

Гоблин Оди сделал все, чтобы попасть на затерянный в океане мятежный Формоз – вышедшее из-под контроля глобальное убежище. А когда план сорвался... Оди без раздумий пошел на авантюру – что угодно, лишь бы добраться до цели, доказав, что при неудаче готов без колебаний сдохнуть безымянным мусором ради достижения задуманного. А на что ты готов пойти ради достижения цели? Но как бы то ни было... бойся своих желаний – ведь они сбываются. Улыбнись бване, гоблин... улыбнись бване, мусор Формоза...

© Михайлов Д., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	22
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Дем Михайлов

Инфер – 5

Улыбнись бване, гоблин!

Глава первая

– Я тебе кадык выгрызу, сука! Я тебе кадык выгрызу! – пронзительный визг перемешался с глухой возней, мужским сопением, чьим-то злорадным хохотом, прерываемым хриплым кашлем. С той же стороны долетали теплые брызги...

– Кто я такой? – повторил я, возможно, уже в тысячный раз, чувствуя, как где-то прямо за костяным щитком лба внутри черепа что-то набухает, причиняя сильную и почему-то желанную боль. – Кто я такой?

– Да уймите этого размороженного дебила! Мешает!

– Отпусти меня! Я не дамся! Не дамся!

– Лежи молча, уродина! Радуйся, что мы наши херы в тебе искупаем!

– Отпустите!

– Кто я такой?

Пошатнувшись, оперевшись рукой в песок, я с силой сжал пальцы, ощутив, как острые осколки битых ракушек разрезают кожу. Внутри тут же попала морская соль, и я улыбнулся, с наслаждением ощущая такую злобную и такую очищающую боль...

– Кто я такой?!

– Заткнись!

– У меня от его бубнежа удило опало... и как теперь трахать, если мой гордый морской угорь заснул? – огорченно выдохнул хриплый. – И так нечасто встает... Зиро! Врежь ему, мальчик мой! Врежь ушлепку!

– Да, папа Гольдер!

– Кто я такой?! – прохрипел я, сквозь кровавую пелену и раскалывающую голову боль начиная видеть что-то смутное... некий знакомый силуэт...

Удар...

Мотнув головой, я завалился на бок, на автомате перекатился и опять замер, сжимая в кулаках соленый песок.

– Кто я такой?!

– Хера у него мышцы... а мозгов нет... Ну?! Че пялишься? Врежь ему еще!

– Он утек от второго удара... утек от моей коронки... и легко так...

– Кто я такой?!

– А, дерьмо китовое! Бей его, Зиро! Его же все бьют! А он принимает как подушка! Ну?! Врежь! А после этой уродливой конфетки побалуем свои херы мускулистой жопой этого непечатого...

– Ща вломлю... – уже куда уверенней заявил шагнувший ко мне сбоку широкоплечий, но тощий и мосластый парень с удивительно крупными кулаками.

– КТО Я СУКА ТАКОЙ?! КТО Я СУКА ТАКОЙ?! А?! А?!

– Н-на!..

Темный кровавый кокон вокруг меня лопнул, опав вниз красными брызгами.

– Оди... – выдохнул я, вскидывая руку, ловя и резко выворачивая пойманное. – Я Оди...

– А-А-А-А-А-А!

– Гоблин Оди...

– А-А-А-А-А-А!

– Помогите ему! Помогите! Он же руку ему сейчас выло...

Хруст... я со злобным радостным оскалом вывернул сильнее, доламывая локтевой сустав. Резко встав, дернул искалеченную руку за собой, заставляя ее обладателя подняться с колен, на которые он упал.

– Я Оди...

– Отпусти! ОТПУСТИ МОЮ РУКУ!

Шагнув назад, резким рывком вверх и назад я вывернул ему руку из плечевого сустава.

– А-А-А-КХ...

Выпучив глаза, он опять упал, не сумев выдавить ни слова из пережатой его же переломанной вывернутой рукой собственной глотки. Натягивая мясную хрустящую херню посильнее поверх его мелко трясущейся башки я с интересом взглянул на хриплого.

Папа Гольдер... изумленный старик продолжал сидеть на старом деревянном ящике. Даже позу свою сохранил гордую – спина выпрямлена, ляжки раздвинуты, вниз свисает тот самый опавший хер, прильнувший к доскам ящика и совсем не похожий на гордого морского угря.

Еще двое держали на песке замершую голую девку, имеющую из одежды лишь обрывки веревки на руках и ногах. Веревки на руках уже привязаны к вбитым в песок кольям. Ноги пока свободны, но на них сидят похожие друг на друга дочерна загорелые крепыши со странно короткими толстыми шеями. Мускулистые руки вызывают уважение – у кого-нибудь, но только не у меня.

Сорвав с пояса умирающего Зиро заплетенный в конец веревки достаточно солидный морской голыш с торчащими с одной стороны плоскими шипами, я без замаха метнул его от бедра и... сидящий на ящике папа Гольдер мелко задергался, с диким воем хлопая себя по ляжкам и не сводя глаз с расплющенного камнем и пробитого шипами «морского угря».

– Ну, чтобы не шипел, – пояснил я с доброй улыбкой.

– А-А-А-А-А!

Толкнув Зиро вперед, я прыгнул следом, приземлившись пяткой ему на горло. Следующий прыжок опустил меня рядом с ящиком-троном, украшенным старческим пришипленным членом. Выхватив из песка нож – старик как раз за ним тянулся – я полоснул и отпрыгнул.

– А... – сказал папа Гольдер, подпрыгивая, на проснувшихся инстинктах отскакивая и вдруг понимая, что ничто больше не крепит его к старому деревянному ящику.

– Я гоблин Оди, – счастливо улыбнулся я пальящему солнцу и крутнул в пальцах нож.

Через секунду два крепыша уже убегали. Первый получил брошенный нож под левую лопатку и рухнул. Второй, прыгнув в сторону, развернулся и с яростным воплем побежал на меня, занося короткую шипованную дубинку. Как же, сука, знакомо... Я метнул навстречу бегуну подарок. Запнувшись, он рухнул на колени, прижимая к лицу пальцы. Помимо боли его лицо выражало изумление – он нащупал на своем пробитом лбу обмякший окровавленный член, приколотенный камнем...

– Да у меня во лбу торчит папы Гольдера хер... – пробулькал он...

– Да, – согласился я, перерезая ему глотку подобранным осколком большой раковины. – Да...

Не обращая внимания на бьющееся булькающее тело, я взглянул на привязанную к кольям девку, что успела задрать ноги, странным образом перекувыркнуться и показать солнцу жопу с широко раздвинутыми в победном жесте ногами.

– Че празднуешь, сука?

– Ой... ой... – завизжала дура и наконец-то перевалилась дальше, упав ничком.

Дернув плечами, я в бешенстве зашипел – спина оказалась сплошной раной, судя по ощущениям. И я только что вспомнил, кто это сделал со мной... Повернув голову – шея тут же

отозвалась огненной вспышкой – я обнаружил, что на правом плече кожи вообще нет. Стоило увидеть – и сразу вспомнил того, кто это сделал со мной. Вспомнил не только тяжелый кожаный кнут, но и того ублюдка, что им размахивал – фурир Нашхор.

Фурир, сука, Нашхор...

– Я-я-я... – проблеял сидящий на корточках старик, чья кожа белела с той же скоростью, с какой в песок уходила вытекающая из раны кровь – Я-я-я...

– Мусор Формоза, – повторил я, вбивая ему край ракушечного осколка в глаз. – Мусор Формоза...

Развязавшая один узел зубами, второй кол девка сумела вырвать и, держа его в руках как оружие, медленно пятилась от меня, старательно рыча и кривя разодранные в кровь губы.

– Не подходи ко мне! Кадык выгрызу! Всем вам ублюдкам!

– Хочешь отомстить? – я глянул на нее чуть внимательней.

– Пошел ты! – развернувшись, она бросилась прочь, чтобы остановиться через десять шагов и проорать: – Ты сумасшедший! Ты псих! – после чего побежала дальше и уже метров за тридцать от меня, крикнула последний раз: – Спасибо! Я буду молчать, пока меня не ударят!

– Пошла ты, – пробормотал я, вытаскивая нож из-под лопатки дохлого крепыша.

Вернувшись к ящику с пятном крови там, где, отрезая угря от дебила, пришлось лезвие ножа, я подобрал с песка плохонькую сумку на хорошем длинном и широком кожаном ремне. За ящиком обнаружилась бутылка с мутной водой. Бросив все в сам ящик, я оттащил его и оставил у самого прибоя. С одним лишь ножом зайдя в воду по плечи, я присел и позволил океану ошпарить себя солевым жгучим ударом. Скрежетнув зубами, вскрыл вздувшийся на ободранном плече здоровенный гнойник. Привстав, оглядел себя и нашел еще четыре уродливые шишки. Разрезав каждую, не обращая внимания на боль, расширил разрезы и хорошенько промыл все от гноя. В последнем вздутии обнаружилась жирная белая личинка, что попыталась скрыться под отошедшей кожей, но я поймал и отшвырнул гадину. Ощупав голову – я оказался острижен почти налысо – убедился, что там ничего кроме ссадин нет. Отодрав с себя всю грязь, выбрался из воды и оглядел себя уже на предмет имущества.

Трусы... на мне только мокрые огромные трусы, что почти достигали колен и выглядели серой тряпкой с едва различимыми выцветшими синими цветочками. Несколько заплаток отчетливо заявляли, что до меня этой тряпкой прикрывали свои чресла как минимум несколько поколений гоблинов...

Здрав голову, я, глядя в почти белое раскаленное небо, засмеялся. Вот дерьмо...

Зато номер остался, и шрамы все на месте. А вот с кожей дело плохо – помимо ран я еще и жестоко обгорел. Каждый сантиметр тела зудел и ныл, мне срочно требовались хотя бы десяток литров пресной воды и какая-нибудь светлая тряпка, чтобы прикрыться.

Не став забиваться в скудную тень, я огляделся и направился вдоль берега к смутно знакомой очертаниями странноватой конструкции. Стоило ее увидеть и я вспомнил – это МОПК. Малый опреснитель Кловерсона. Эта хрень с трубой, уходящей в океан, находится в центре рабочего лагеря Сорокушка – сборище палаток, палаток и редких хижин с еще более редкими пальмами примерно в ста метрах от берега. Лагерь огорожен сетчатым высоким забором, что служит защитой от различных местных тварей, обитающих на побережье Зоны 40.

Зона 40...

Точно...

Я машинально кивнул, радуясь еще одному воспоминанию. Сколько дней прошло? Я мало что помнил, но знал, что прошло не так уж много времени, максимум неделя, с того памятного разговора с Управляющей Франциском II системой Камальдулой. Тогда Управляющая предложила мне крайне рискованный план по внедрению в замкнутый и проклятый карантинный мир Формоз. И я согласился...

Воспоминания возвращаться не хотели, и я знал почему – чтобы попасть сюда, я прошел через процедуру временной блокировки памяти плюс меня накачали долгоиграющей смесью транквилизаторов и еще чего-то для почти полного гашения эмоций и понижения умственной активности.

Да...

Камальдула пояснила, что временная блокировка воспоминаний настроена таким образом, чтобы блокада могла быть разрушена только моими собственными эмоциями. Бурная радость. Кипящая ярость. Бешеная злоба. Думаю, я справился с помощью двух последних – ярость и злоба стали тем молотом, что выбил ментальную заслонку у меня в башке.

Вся эта хрень в свою очередь была нужна, чтобы я мог успешно пройти тестирование на стирание памяти – после того как контейнер с нашими тушами был разморожен. В чем заключалось машинное тестирование я не знал, но раз я здесь – все получилось. Хотя память могла бы вернуться и пораньше – с транквилизаторами перемудрили.

Несмотря на покрывающие меня раны, я уже успел убедиться, что все конечности мои родные, ничего не добавлено и не убавлено. Еще гляну в зеркало, но на ощупь морда та же самая. Хотя на морду поспать – главное, руки и ноги на месте. Я могу действовать. Я могу убивать. А убивать придется... особенно сегодня – в их веселый долбаный праздник.

Присосавшись к бутылке с водой, я выпил половину, а остальное вылил на макушку, смывая разъедающуюся раны соль. Побрызгав и в глаза, проморгался, частично вернув остроту зрения. Глянув вперед, убедился, что до Сорокушки осталось шагов двести, а навстречу мне уже бегут радостные встречающие...

Кинув взгляд на трех спешащих загорелых хренососов, я подбросил на ладони нож. Заточенная полоса стали длиной в мою ладонь, а к ней прилагается не слишком удобная для хвата деревянная ручка. На ней несколько стертых и срезанных имен – предыдущие владельцы? Последнее имя читается четко – Гольдер.

– Гольдер, – хмыкнул я, дергая головой в сторону и пропуская рядом с ухом пущенный мне в лоб шипастый камень с веревочным хвостом. – Сука Гольдер...

Второй камень прошел далеко в стороне, от третьего я опять уклонился, продолжая двигаться вперед, чем сильно удивил бухих ушлепков. От полетевшего навстречу удара ноги я даже уклоняться не стал – подбил грязную пятку вверх, роняя дебила на спину. Пройдя мимо, я с готовностью шагнул в объятия чернобородого лысого здоровяка, уйдя от тесака в его лапе и вбив свой нож ему меж ребер. Подхватив выпавший тесак, крутнулся, снося голову третьему, и поспешно отпрыгнул, не желая пачкаться в хлынувшей крови. Пока двуногий фонтан покачивался и прыскал все слабеющей кровью, я шагнул к пока живому, успевшему подняться с песка. Он поспешно выставил перед собой руки:

– погоди! Мне сказали, и я пошел! погоди! Мир?! Мир?!

Удар тесаком лишил его обеих рук.

– Ладно, – кивнул я. – Мир...

– А-А-А-А... – перейдя на тонкий вой, он помчался в сторону лагеря.

Бежал он недолго – убедившись, что с убитых забирать нечего, я прихватил только тесак, вытащил свой нож и догнал безрукого бегуна уже через сорок шагов, оставив его лежать на испещренном следами песчаном вздутии.

– Дотащи... – стекленеющие глаза неотрывно смотрели на грязные палатки впереди. – Дотащи, сука...

– Ага, – зевнул я, ускоряя шаг.

Припекало...

Долбаный праздник...

– До...

Выметнувшийся из моря упырок подхватил умирающего шипастыми граблями и задом вернулся в прибой, оставив на песке пятна крови и дырчатые следы своих восьми крабовых лап. Почти человеческая, безволосая и будто оплывшая голова с торчащими из глазниц толстыми стебельками свисающих на щеки глаз повернулась ко мне перед тем, как уйти в воду:

– Зачтется за мясо...

– Ага, – повторил я, бросая взгляд через плечо и убеждаясь, что предыдущие оставленные мной трупы уже исчезли в воде.

Подводная прибрежная живность тоже радовалась кровавому ежемесячному празднику Смакендритт. Хотя сегодня их радость была куда сильнее – вроде как слышал я день или два назад, пребывая в своем сомнамбулическом коматозе, что во время этого праздника обычно вообще ничего не происходит. Максимум пара изнасилований, несколько драк и редко, очень редко потеря кем-нибудь конечности, что торжественно швыряется на мелководе. Гибели случаются еще реже – раз шесть в год, что для такого крупного лагеря просто несерьезно. Прибрежные мутанты огорчаются...

Смакендритт...

День Свободы.

День Ответственности.

Они, сука, совсем охренели.

Раз в месяц всем здешним работягам, всем сборщикам и рыбакам давался день безнадзорности. Надсмотрщики нихрена не делали, предаваясь с утра возлияниям и готовясь закрывать глаза на всякие мелкие по их понятиям бесчинства: редкие изнасилования и драки. Кражи, грабежи и прочее в список праздничных угощений не входили – за это карали на месте. Ну да... кусок мыла украсть нельзя, а силком трахнуть какую-нибудь давно уже желаемую девку – легко.

Лежа вчера на песке, застыв в холодном бреду пытающегося сбросить блокаду разума, я краем уха слушал испуганные разговоры сидящих и лежащих рядом рядовых гоблинов Зоны 40, что заранее готовились получать оплеухи от надсмотрщиковых прихвостней. Тогда же звучали громкие испуганные извинения – припомнив или выдумав за собой грехи, гоблины поспешно каялись перед обиженными, надеясь, что завтра все удастся решить миром.

Когда же забрезжил рассвет, в нашу условную клетку явились как раз прихвостни – почти ставший надсмотрщиком папа Гольдер с прочей отрыжкой. Они забрали ту девку и меня... а я послушно пошел, толком не реагируя на тычки и даже не задумываясь, на кой хер они меня потащили к той прибрежной дюне в нескольких сотнях метров от лагеря. Вот и выяснилось – позвали, потому что захотели умереть от моей руки.

Само собой, безнаказанности как бы и не было. Праздник заканчивался перед медленным закатом. Надсмотрщики ждали в центре лагеря, где к тому времени собирались все обитатели. Далее следовал ленивый призыв – лучше признайтесь сами. Если нам придется дознаваться самим – пожалеете. И начиналась комедия – насильники выходили вперед, каялись, что, мол, вкус сучьей свободы застил глаза и вздыбил член. Примерно то же самое говорили драчуны, что успели за этот день выместить все накопившиеся за месяц обиды, а заодно выплеснули беспричинную злобу.

Что делать тем, кто просто хочет относительно спокойно пережить этот день и не потерять последних зубов? Тут все просто. Не хочешь, чтобы тебя херачили – плати бухлом! Или жопой. Тут уж чем богат. И с чем готов расстаться.

Драк на самом деле было херова туча – судя по обрывкам запомненных мной пугливых разговоров, их боялись больше всего...

Да...

Я вспомнил правильно. Набил кому-нить рожу – и каешься перед надсмотрщиками. Потом платишь им мзду. И вопрос закрыт. А что б было чем платить – бьешь не всех подряд,

а только тех, кто не может тебе заплатить бутылкой скверного самогона или связкой вяленой рыбы.

Смакендритт...

День, когда, оставшись без отеческой заботы надсмотрщиков, ты познаешь всю глубину дерьма... Ты проникаешься этим дерьмом до глубины души и начинаешь отчетливо понимать, для чего вообще нужны эти прекрасные защитники – надсмотрщики, посланные из Двуглавой Башни, дабы насаждать порядок и следить за производительностью...

Глянув влево, я секунд пять задумчиво пялился на охренеть какую уродливую постройку, воткнутую в воду в ста с небольшим метрах от берега. Затем еще с полминуты я медленно скользил взглядом по тросам и стальным колоннам воздушной транспортной линии – обычная канатная дорога с кабинками. Единственный путь из Зоны 40.

В Зоне все было организовано предельно просто. В двух рабочих лагерях, расположенных на максимальном удалении друг от друга – Сорокушка и Малая Сорокушка (трахните кто-нибудь фантазию нарекавших!) – живут те, кого именуют мусором Формоза или же сборщиками. Обычные гоблины. Каждый день они выходят на долгие рабочие смены, выращивая, собирая, рыбача, рубя и грузя все на одну из двух плоскодонных барж. По одной такой барже на каждый лагерь. Когда звучал двойной протяжный гонг, рабочая смена заканчивалась, а баржи отходили от пирсов и двигались к Двуглавой Башне, она же Двузубая, она же Вилка. Добравшись до подножия Вилки, баржи разгружались и оставались там до рассвета, вместе с которым возвращались к берегу. Такой вот замкнутый круг каждый день – за исключением одного дня в месяце. Смакендритт. Он же единственный выходной для всех здешних рабов.

Рабы... неофициально... Если не захочешь работать – силком тебя никто не заставит. Права не имеют до тех пор, пока ты не вступаешь в ту или иную бригаду на уговоренный срок. И вот тогда с тебя три шкуры спустят – чтобы работал быстрее, и чтобы надсмотрщикам было веселее. Если отказываешься работать – делай что хочешь. Более того – ты даже можешь самостоятельно охотиться и собирать съестное на мелководе или в редких кустах у внешней границы Зоны 40. Главное – не делать запасы, что собрал то и съел. Не больше. За этим строго следят такие знакомые и такие чужие ярко-красные полусферы наблюдения. В карманы жратву пихать нельзя. Нашел рыбу – пожарил и сожрал.

Но проблема не в жратве. Проблема в воде. За каждый отработанный день ты получал официальную плату – пять литров пресной воды. Плюс еще двадцать литров относительно пресной, но не пригодной для питья – для мытья в одном из многочисленных душей. Так что хочешь ты или нет, но в этом адском пекле нельзя не работать на Вилку – иначе просто сдохнешь от обезвоживания. А тут еще и бонусы вроде какие-то есть в виде дополнительных поощрительных литров воды – для питья и мытья. Так что паши, гоблин, паши...

Что еще?

Длину Зоны 40 не знаю – не услышал и сам не видел. Но она именно тянется вдоль побережья, гранича с тридцать девятой и сорок первой зонами. Все границы отчетливо видны – стальные колонны с алыми полусферами служат надежными ориентирами. Подойдешь слишком близко – предупредительный выстрел. Еще хоть полшага вперед – следующая игла или пуля прилетит в тупую башку. Многие старики тут так уходят в небо...

В ширину Зона 40 что-то около двух километров. Но надо проверить. Прямо по центру территории стоит Вилка. И нам повезло лицезреть эту уродливую постройку – на башню-коллектор работает не только наша, но еще пять зон, населенных сборщиками. А Вилка работает на кого-то еще, каждую ночь отправляя по канатке грузы с продовольствием и прочими дарами, собранными в подконтрольных ей зонах.

Ну...

Я удовлетворенно кивнул – пусть голова почти и не работала, но я запомнил достаточно, чтобы начать ориентироваться в здешних реалиях.

Что там говорили про те случаи, когда надсмотрщики оставались недовольны объяснениями чрезмерно зарвавшихся и наделавших кровавых дел работяг?

Ах да...

Надсмотрщики могли потребовать с наглем боя – один на один.

Надо же, как страшно...

Оскалившись, я чуть ускорился, держа взглядом малый опреснитель в центре почти достигнутого лагеря. В десятке метров от меня дрались две девки, таская друг дружку за волосы, деря когтями лица и пронзительно визжа. За зрелищем наблюдал пяток зевающих работяг, передающих по кругу бутылку с самогоном. Поискав, не нашел среди них знакомых рож.

Да... вымыться, напиться, подлечиться, зарезать пару ушлепков, что так сильно любят махать кнутами, а затем можно задуматься над поисками тех из своих гоблинов, кто был заброшен сюда тем же путем.

Смакендритт...

Люблю я эти праздники безнаказанности...

* * *

Рабочий лагерь, это пыльный жаркий вонючий городок с пахнущими родиной выгребными ямами на окраинах попросту не заметил моего возвращения. Даже бухающие в тени косо натянутой дырявой паутины надсмотрщики лишь глянули косо и отвернулись. Они видели меня раньше. Видели, как меня херачили кнутом, а я реагировал как истыканная жестокими детскими пальцами медуза на песке – вяло. Сам мой вид – истерзанная обожженная кожа, обветренное щетинистое лицо – говорил за себя, громко называя меня дебилом-неудачником. Это позволило мне свободно войти через гостеприимно распахнутые сетчатые ворота и пронести прикрытый телом тесак. Нож висел на ремне сумки – там отыскиались для него ножны. Покойный папа Гольдер был из приближенных к счастливчикам с кнутом и поэтому оружие – само собой, только и только для самозащиты, бвана – носил открыто.

По рваной недавней памяти сориентировавшись, я вошел в затененную тканевыми стенами и пологими, а стало быть, «сумрачную» улочку между палатками. Не обращая внимания на чужие взгляды, избегая задевать большой спиной и плечами любые предметы и тела, я прошелся этим уродливым воняющим потом и дерьмом переулком, снова выйдя на солнечную централку. По пути содрал с веревки совсем уж рвань, что даже от солнца прикрыть не может, и закутал в него тесак, а свертком прикрыл сумку и нож. Гоблин несет что-то и куда-то в праздник – значит, хочет это что-то продать и купить бухла. Мое внимание привлек дощатый прилавок с жратвой и вроде как выпивкой. Но затем я глянул чуть в сторону и широко улыбнулся – вот и оно... дерьмо... прячется в тканевой продуваемой маленькой беседке, что скроет от зноя и чуток от чужих взглядов.

– Как ты, дерьмод? – участливо спросил я, нависая над сидящим в тенечке у низенького столика знакомым ублюдком с висящим на поясе свернутым кнутом.

Фурир сука Нашхор...

Фурир – должность. Старший в малой бригаде сборщиков. Любитель помахать кнутом.

– Нехило ты мне спину исполосовал, членосос, – заметил я, подхватывая стоящую на столике бутылку и допивая из нее пахнувший водорослями самогон. – Заплатишь жизнью.

Надо отдать должное – фурир Нашхор умел отвечать на угрозы. Сначала его почти черное лицо осветила редкозубая насмешливая ухмылка. Затем он картинно повел плечами, без малейшей тревоги глянул на сверток у меня под рукой и... стукнул о край стола коротким стволом курносого револьвера. Сидящий рядом с ним мужик постарше и похлипше, проведя тыльной стороной ладони по потной шее и бородавотому подбородку снизу вверх, смахнул брызги

мне в лицо и пьяно заржал. Третий даже не отреагировал, предпочитая дремать под широкополой соломенной шляпой.

– Я тебе и жопу исполосую... – прохрипел Нашхор. – Пьяным смелым и умным стал? Даже заговорил, отброс... Я научу тебя почтению!

Дернув правой рукой, собрав пальцы в кулак, я вызвал у него еще одну подначивающую усмешку. А вот мою левую руку он не увидел своим расфокусированным фронтальным зрением. Он глядел только на мой кулак и ждал повода нажать на спуск.

– Давай же, ремма... ты...

Тут он услышал хрюканье и недовольно вскинул лицо, взглянув на захрюкавшего вдруг бородатого помощника. Глянул и осекся, увидев торчащий из его разинутого рта глубоко всажженный тесак со свисающей с рукояти рваной тряпкой.

– Коллор?... что это... ах ты... Бдан!

Он вскинул руку, зло оскалился мне в лицо и... ощутив внезапную легкость, опустил взгляд на свою почему-то пустую ладонь и дергающийся впустую указательный палец, пытающийся нащупать спусковой крючок. Он посмотрел еще ниже и увидел револьвер в моей руке.

– Кто ты такой? – тихо и трезво спросил он.

Больше он не произнес ни слова, уронив голову, обмякнув всем телом и упершись плечом в прогнувшуюся пластиковую стену соседней с беседкой постройки. Вырвав тесак, почти не глядя, я ударил еще раз. Третий умер, так и не очнувшись от пьяной дремы. Жаль было убивать так просто и быстро, но я торопился – надо срочно вымыться и сожрать что-то от паразитов. Помню я то, что мне предлагали, а я покорно жрал... давно я не видел столько червей в хреново посоленной рыбе. Помимо червей там ползало что-то еще белковое и ногастое... вряд ли эта хрень нашла приют у меня в желудке, но не стоит рисковать и шутить с собственными кишками. Нахлобучив шляпу покойника – тут же зашипев от боли в ссадинах – я выгреб содержимое их карманов, сгреб со стола небольшую связку пробитых посередине квадратных монет и убрался прочь, на ходу пряча револьвер в сумку. Сунул бы за пояс, но трусы себя-то не держали.

А ведь мне выдавали что-то другое... я смутно помню свой первый шаг в ослепляющую жаркую белизну, помню падение... я даже помню свое сдавленное мычание... и как сначала даже участливые голоса встречающих быстро становятся глумливыми и жадными... и у меня что-то забрали...

– У меня что-то забрали, – улыбнулся я в лицо меднокожей крепкой бабище.

Она впечатляла всем – начиная от густой длинной гривы удивительно серых волос и кончая могучими накачанными ляжками. Из одежды на ней была лишь растянутая крепкими сиськами застиранная синяя футболка с красным крестом и свободные короткие шорты. В этой жаре от нее пахло цитрусовыми и медикаментами.

Опустив все свое новое имущество на разделяющий нас прилавок, я покосился на свисающий сверху красный «фрукт» полусферы наблюдения, запоздало вспомнив, что надо было проверить интерфейс и многое другое... Голова еще не включилась. Да и сам пока как жопой дебила ударенный – в голове каша, меня потряхивает, и этот озноб говорит о воспалении или ином нехорошем процессе внутри тела.

– У тебя многое забрали, Влуп.

– Влуп? – переспросил я.

– Влуп, – кивнула я.

– Кого ты Влупом назвала, су...

– Прежде чем оскорбить... подумай о лекарствах у меня под жопой. О лекарствах, что на полках так и останутся, не перейдя в твои вены...

– Влуп?

– Что в имени твоём? Обычная кликуха... как у всех здесь. Я Зорга.

- З... з... – скривился я. – Я все время слышу имена на «З». Что за херня?
- Спустя год после рождения на этом славном берегу ты получаешь право сменить данное принимающими тебя имя. Я была Клушкой. Стала Зоргой.
- Почему?
- Потому что правителей Вилки зовут Зилра и Зилрой. Близнецы...
- В той башне, да? – из-под полей башни я глянул в сторону океана, но уткнулся взглядом в развешанные на веревке трусы.
- Вот так всегда – от цели отделяет чья-то постирушка...
- Верно. В той башне. И у нас считается круто, если твое имя начинается на ту же букву, что и у камерфуриров Зилры и Зилроя. Что тебе надо, Влуп? Зачем пришел?
- Оди, – произнес я, заглядывая ей в глаза. – Я Оди. Гоблин Оди.
- Гоблин? – фыркнула она, ничуть не устранившись выражения моего лица. – Смешно... Я нурса Зорга. Старшая нурса. Что тебе надо, самоназванный Оди, что еще не прожил целый год и вряд ли проживет...
- Лекарства.
- Какие? Дурью не торгуем.
- Которые нужны для всего этого, – я указал на свои раны. – Прямо сейчас. Еще воды для питья и мытья. Нормальную одежду. Нормальную жратву.
- У нас здесь не ночлежка, Оди. И бесплатного ничего не...
- Я уронил на прилавок связку нанизанных на бечевку монет:
- Забирай. Хватит? Если надо – потом найду еще.
- Откуда у тебя столько песо, гоблин Оди? – с крайней задумчивостью поинтересовалась Зорга, смещая взгляд на завернутый в тряпки тесак и ремень сумки.
- Нашел.
- Слушай... забитые и обреченные вроде тебя бывает и срываются в праздник... творят разное... но ты же понимаешь – если ты натворил дел, то за тобой придут... Ты избил кого-то? Покалечил? Всякое случается от перегрева и унижений...
- Избил? – удивился я и поморщился от жжения в глазах. – Ну что ты...
- Подавшись вперед, упершись мускулистыми руками в заскрипевший прилавок, двухметровая женщина тихо пробормотала:
- Гоффурир Замрод.
- Кто?
- Гоффурир Замрод, дубина! Он из тех, кто подороже. Если натворил дел – найди его прямо сейчас и упади в ноги. Покайся. Попроси его наказать тебя справедливо и пообещай отслужить жизнь за его доброту.
- Нахрена? – изумился я.
- Праздник скоро кончится, сборщик! Не понимаешь? Голова у тебя вроде проснулась – вон как заговорил. И зло ухмыляться научился. Крутая усмешка тебя от кнутов надсмотрщиков не защитит. А перед закатом они начнут разбираться в случившемся во время праздника. Найдут тебя и публично...
- Распнут? – предположил я и удивленно моргнул, когда Зорга испуганно отпрянула назад.
- Тихо, планк тупой! Не вздумай больше о таком говорить! Убьют!
- Да ну?
- Ты не мог знать, – чуть успокоилась Зорга. – Тебе не рассказали, как каждому из вылупленных черепашат. Ты же был не в себе. Поэтому и не усвоил главных правил. Запомни – никогда не произноси такое вслух! Про... вбивание гвоздей в руки и ноги...
- Распятие? Или как правильно сказать о том, как кого-то приколачивают к кресту и начинают пытаться?

– Тихо!

– Слушай... старшая сестра Зорга... начинай меня лечить. Всем что есть. Заодно и поговорим. Или не нужны мои деньги?

Помедлив пару секунд, она пожала широкими плечами и подняла разделяющую нас широкую темную доску:

– Вон та койка в глубине. Но учти – зряшный перевод песо. Все равно тебя забичуют.

– Главное – не распнут на кресте...

– Заткнись! Еще раз повторишь – и лечения не будет.

– Ладно, – выдохнул я, снимая шляпу и вешая ее на торчащий из столба колышек. – Лечи...

Стянув трусы, я медленно уселся на койку и замер, широко расставив ноги, уложив кисти выпрямленных рук на серую простыню. Ждать пришлось недолго.

– Открой глаза пошире и не моргай, – велела нависшая надо мной старшая сестра. – Глазные капли. У тебя даже зенки обожжены. Совсем тупой, раз на солнце палишься?

– Я увидел твою огромную жирную жопу и меня аж ожгло...

– Как же ты разговорился, наглый мелкий смертник... сегодня твой болтливый язык вырвут на центральной площади Сорокушки... и я увижу это...

Моргнув, я ощутил сбегающие по щекам химические слезы, а в глазах разлилась блаженная прохлада. Заставив меня снова открыть веки, сестра повторила прокапывание и отошла, чтобы вернуться со шлангом. Поднявшись и встав на бетонный пяточок со сливом – значит, сточные воды не бегут в океан, а уходят куда-то под пляж – я замер под несильными струями мутной воды, что смыла с меня соль и остатки грязи.

– Ого... раз, два... три... четыре... ты сам разрезал вздутия?

– Ага.

– Судя по форме, одно от личинки ковалькиса.

– Была такая. Белая.

– Что сделал с ней? Продал? Оттуда деньги?

– Выкинул.

– Что?

– Выкинул к херам. В океан.

– Ты придурок?! Она стоит тридцать песо маленькой! А если вырастить у себя под кожей почти до вылупления – можно продать старшим надсмотрщикам минимум за сотню! Хотя чем дольше растишь, тем больше шансов сдохнуть от токсинов, что она подает тебе в кровь... и последние дни ты скорее овощ, а не человек... Выкинул?!

– Хотел сожрать ради белка... но подумал, что она может быть ядовитой.

– Ты спас себя, кретин. Сожри ты личинку... умер бы в корчах... но умер бы на теплых волнах блаженства, несущих тебя прямо в рай. Чтобы словить кайф от ковалькиса достаточно пары миллиграммов его внутренностей...

– Наркота...

– А ты выбросил. Я уж успокоилась – подумала, что вот так ты денег и добыл.

– Не, – качнул я головой и взглянул на прикрытую трусами кожаную сумку папы Гольдера, лежащую у койки так, чтобы скрыть револьвер, тесак и нож.

Мне хватит двух секунд, чтобы дотянуться. Но тут можно не дергаться.

Стоя под струями прохладной воды, я продолжал оглядываться.

Лечебница находилась впритык к опреснителю. Прямо в центре лагеря. Она представляла собой огромный брезентовый шатер, разделенный на десяток закутков с помощью тканевых стен. Несколько затянутых мелкой сеток окон обеспечивали вентиляцию и обзор. Внутри относительно прохладно, а по коже струится воздушный поток от трех медленно крутящихся под потолком вентиляторов. В шатре две красные полусферы – одна у входа, другая прямо

по центру и не скрывает торчащих из нее стволов. Я углядел игольник и автоматный ствол. Ничего похожего на медблок я не углядел. Зато увидел стоящий в одном из закутков высокий металлический операционный стол, несколько запертых стальных шкафов, штабель контейнеров... в общем, это все можно было смело назвать полевым госпиталем без каких-либо вкраплений автоматики.

– Ты доктор?

– Я старшая нурса. Тут еще две девочки работают, но сегодня они болеют... – тихо улыбнулась Зорга, наливая на губку какое-то желеобразное зеленое вещество.

– Прямо разом заболели?

– Долбанный праздник. Поэтому девочки отсиживаются. Мы еще скинулись, чтобы оплатить пребывание здесь до вечера еще двух подруг. Сюда пьяные сборщики не сунутся, – она указала глазами на красную полусферу между вентиляторами. – А если сунутся...

– Ясно. А ты на работе?

– Верно. А доктор Зорвсон на выезде. Он трахает креветок.

– Попробуй еще раз пояснить... что делает доктор?

– Вправляет мозги сборщикам креветок на рифе Мулра. Это за Башней – дальше в океан. Они там и живут... дикари... Жрут дары моря, собирают креветок, отправляют в башню. И не лечатся из-за своих тупых верований... раз в месяц доктор отправляется к ним с парой младших надсмотрщиков. Лечит силком... вычищает раны, отсекает гангренозные пальцы... на рифе опасностей хватает. Что странно – как только там появляются новенькие, старожилы так быстро промывают им мозги, что уже через неделю никого в лечебницу не затащишь. А ведь им раз в месяц положены бесплатный осмотр и лечение...

– А здешним?

– Сборщики должны собирать. Если не ленишься и в хорошем контакте с фурирами – живешь припеваючи. Слушай... я тебя подлечу... и сходи ты к гоффуриру Замроду. Покайся. Ну избил ты кого-то... и что? Праздник же. У тебя есть оправдывающие причины – достаточно глянуть на твою спину.... Тебя кто так? Фурир Нашхор? И его дружки?

– Ага.

– Эти ублюдки любят тренировать удар на беззащитных... а ты ведь только мычал что-то и едва слова выговаривал... все равно не жилец... Но теперь, когда ты в себя пришел, твоя ценность резко выросла.

– Да что ты?

– Вон мышцы какие – сталь! Такой, как ты, может стать отличным работягой. Такие в каждой бригаде нужны. Ты, главное, если сегодняшний день переживешь и все нормально будет, поговори с Нашхором. Скажи ему внятно, чтобы он больше к тебе не лез.

– Ага, – кивнул я.

– Нашхор тот еще бдан... но я могу за тебя пару слов перед ним замолить. Бесплатно. Раз уж у тебя мозги ожили.

– Круто...

– Хочешь, я его прямо сейчас позову? Он тут по соседству вроде как праздник отмечает...

Врезавшийся в прилавок короткобородый мужик поспешно заговорил, глотая слова от возбуждения:

– Зорга! Зорга! Там такое! Нашхора убили! И Зивса с Зовсом! Там же вальнули! Кровищи! А за лагерем, там, на дюнах – пятна крови! Но никаких тел нет! Может, их тангтары забрали?! И нигде нет папы Гольдера! И парни его пропали! Вот дерьмо, а?! Если мертвы – у нас куча трупов. Давно такого праздника не было!

Вывалив рвущуюся из него словесную бессвязную херню, он убежал разносить свою весть дальше. А я удивленно уставился на замершую надо мной с губкой старшую нурсу:

– А че не лечим?

Ей потребовалось несколько секунд, что переварить услышанное. И еще секунда, чтобы сделать вывод. Пропитанная лекарственной мазью губка морозной благодатью снова опустилась мне на плечи:

– Ты?

– Ну да, – спокойно признал я.

– У Нашхора был револьвер с тремя патронами. Он хвастался.

– Как раз хотел глянуть на револьвер. Не против?

– Я тебя подлечу...

– Ага.

– И можешь стреляться.

– А че так?

– Ты придурок... Ты убил надсмотрщиков.

– Так сегодня праздник... – ухмыльнулся я, вспоминая, как умер долбаный Нашхор.

– Ты понимаешь, кто они такие?

– Дохлые хренососы?

– Они власть! Система!

– Это не система, – качнул я головой и поморщился от боли в шее, где, судя по ощущениям, не хватало изрядного лоскута кожи. – Ты путаешь, нурса. Это системная отрыжка... блевотина, что скисла, запузырилась и решила, что ей дозволено все.

– Им дозволено все! Они власть в Сорокушке и вообще во всей Зоне! Над ними только Башня...

– Башня, – повторил я. – Башня в каждом из миров, да?

– О чем ты?

– Да так... продолжай пугать меня. От этого прохладней...

– Может, ты все же сожрал ту личинку? И сидишь обдолбанный? Слышишь крики? Это по всему лагерю распространяются вести о случившемся. Праздник кончился. Но до заката не тронут. То есть у тебя еще пара часов. А потом за тобой придут...

– И?

– И все... дальше у тебя только два варианта, Влуп.

– Оди...

– Да какая уже разница, как тебя звали при жизни?

– А ты умеешь шутить, – тихо рассмеялся я, и от моего смеха она невольно вздрогнула, подалась неосознанно назад.

– Придурок...

– Ты говорила про два варианта.

– Первый самый простой – коллегиял фуриров...

– Че? Кто?

– Коллегиял надсмотрщиков... так уж называют этот вечерний послепраздничный сбор... Они соберутся и начнут выслушать обо всем, что случилось во время праздника Смакендритт. Ты знаешь значение названия?

– Вкус свободы?

– Смысл именно такой, – кивнула Зорга. – Но по сути это звучит как «Вкус дерьма». Почему? Потому что свобода – это дерьмо.

– Да ну?

– Да, – убежденно кивнула женщина, пинцетом доставая из раны на плече грязь. – Свобода – это анархия, анархия – это безответственность, неподотчетность и безнаказанность, что означает – дерьмо! Ведь если каждый будет делать что ему вздумается... убивать кого вздумается... это приведет к беде. Поэтому есть каста фуриров, поэтому есть Вилка, откуда следят за

порядком в Зоне. Каждый получает работу и нормальную оплату. Каждый подчиняется, знает свое место и поэтому живет счастливо. А когда надоедает подчиняться – нам дают раз в месяц чуток побеситься – праздник Смакендритт. С утра до заката твори что хочешь. Получи свою свободу, планк. И поймешь – ну ее нахрен, эту свободу! Пусть фуриры и дальше командуют – но заодно и защищают.

– Ты спрятала младших нурс в свой лазарет, Зорга, – напомнил я.

– Это подтверждает мои слова! Свобода – дерьмо! Так фуриры доказывают каждой здешней бабе – без их присмотра ее будут насиловать по пять раз в день! Да, у них кнуты, и порой нерадивый получает свои удары. Но это ему на пользу! Зато если изнасилуешь – тебя забьют кнутами до смерти!

– А если трахнешь силком в праздник – можно откупиться бутылкой самогона, да?

– Ну...

– Херовая у вас тут житуха, нурса Зорга. Бойся праздника – трахнут! Так что там за два варианта?

– Если фуриры сочтут, что заотдыхавшийся сборщик перебрал со свободой, они назначат ему суровое наказание. Испытание голодом – самое маленькое из них. Тебе наденут специальный намордник и будут его снимать только три раза в день – чтобы дать выпить воды. Следующее по степени тяжести наказание – кнутом. Разрешено не больше тридцати ударов, но если ты хорошо владеешь кнутом, то...

– Этого хватит, чтобы забить насмерть или искалечить, – кивнул я. – Продолжай.

– Иногда эти два наказания назначают вместе. Десять ударов кнутом и три дня голода... Голод вообще больше пяти дней не назначают. И это самые легкие наказания. Дальше гораздо хуже. Например, наказание жаждой. Это почти самое страшное – на этом солнцепеке... А ведь надо работать, в теньке не отсидишься. Хорошо еще, что наказание жаждой не может длиться больше трех дней. Ну и последнее наказание – бойкот.

– А? Ты серьезно?

– Абсолютно.

– Со мной никто не будет разговаривать?

– Тебя никто не возьмет на работу, – терпеливо пояснила Зорга, начиная обрабатывать раны у поясницы. – Наклонись чуть вперед.

– А раз я не получу работу...

– Ты не получишь пресной воды. Любой, кто захочет тебе помочь хотя бы одним песо или просто глотком грязной воды, тут же станет врагом фуриров. Никто не рискнет.

– Ясно. То же самое, что наказание жаждой.

– Хуже! Ведь бойкот бессрочен! На самом деле тебя даже не наказывают. Глава коллегии фуриров демонстративно отворачивается от тебя, и все... жизнь кончена! Общество отвергло тебя, планк! Рано или поздно ты умрешь от жажды. Но... до этого не дойдет... Бойкот страшен не жаждой, Оди. Бойкот страшен тем, что от тебя отвернулись фуриры. Ты больше не под их защитой...

– Вот теперь понял, – кивнул я.

– Ты сам по себе... любой, кто хочет избить тебя в любой день и час – запросто сделает это и не понесет наказания. Бойкот это... это анафема!

– Как страшно...

– За убийство надсмотрщиков... тебя приговорят к самому страшному, Оди. На моей памяти только одному убийце фурира удалось избежать бойкота и других наказаний. Тот парень был говорлив и красноречив и сумел смягчить свою участь. Ему прописали тридцать ударов кнутом и три дня голода с жаждой. Он выжил. Но от перегрева и обезвоживания тронулся умом... иногда он проходит мимо с ртом, полным соленых морских камушков... бедный парень... И последний вариант – если ты не согласен с праздничным приговором, ты всегда

можешь бросить вызов коллегиялу. Бой насмерть, который должен начаться и завершиться до заката – до окончания праздника. Поэтому фуриры и собирают всех на площади еще до заката. Но... ты же понимаешь, что, если бросишь вызов, против тебя выйдет самый опытный из фуриров. Скорей всего это будет Тарантус. Он мастерски владеет тесаком и кнутом. Он убил уже многих. А еще Нашхор был его мужем... так что он будет очень рад, если ты бросишь ему вызов. Ведь бой всегда насмерть... Есть лишь один шанс выжить – протянуть поединок до короткой сирены – так нас оповещают, что праздник закончился.

– А если я завалю фурира?

– Смеешься?

– Аж, сука, взалхлеб, – заверил я. – Если я завалю долбанного фурира... что тогда?

– Против тебя выйдет следующий! У тебя один шанс списать с себя все прегрешения – дотянуть до сирены! Даже если ты чудом справишься с одним – второй фурир тебя прикончит! Убьешь и второго – тебя одолеет третий. Ведь все устают. А ты и так изнурен ранами... спина – сплошное месиво. Тебе не выжить, Оди. Ты сделал большую глупость и тебе придется заплатить за это... Что скажешь?

– Мне бы чего-нить от глистов...

– Бдан! Уф... я трачу слова и эмоции... и лекарства... и все это впустую на тупой живой труп.

– Раз ты говорила, что поединки на тесаках и кнутах... огнестрел не катит?

– Револьвер?

– Да.

– Ни в коем случае! Тебя тут же расстреляют полусферы. Огнестрельное оружие нельзя применять против людей даже во время праздника!

– Тогда зачем оно вообще?

– Против хищников! Или морских тварей! Если из океана вдруг вылезет спятивший с голодухи тангтар и решит вырвать тебе кишки... Или из песка выскочит скатоид...

– И снова стреляют лишь в природу, – буркнул я, откидывая барабан револьвера и вытряхивая на ладонь патроны.

– Можешь подарить револьвер мне... тебе он все равно не пригодится. И если на суде не расскажешь, куда дел пушку Нашхора...

– Отвали.

– Зачем мертвецу револьвер?

Внимательно изучив натертые до блеска патроны, я оглядел револьвер и со вздохом принялся разбирать его – надо чистить.

– То есть носить огнестрел открыто – не проблема? Система не откроет огонь на поражение?

– Конечно, нет! Владыка не убивает без причины!

– Владыка, – процедил я – Вашу же мать...

– Не кощунствуй!

– Ладно... ладно... Зорга... ты очистила мое левое плечо от крови и грязи? Не хочу воровать шей...

– Конечно, очистила. Хотя тебе так и так не светит умереть от заражения крови.

– Я не об этом. Там свежая татуировка. Три длинные строчки с цифрами и буквами. Продиктуй мне их.

– Что? – фыркнула Зорга.

– Три длинные строчки с цифрами и буквами, – терпеливо повторил я. – Продиктуй. Вслух. Губами.

– Ты бредишь, планк? У тебя нет татуировок на плече и по очень простой причине – у тебя там содрана вся кожа.

Шею я вывернул. Меня обожгла яростная боль, по коже потекла кровь, но свое левое плечо я увидел. И там, где была не сошедшая даже после купания корка запекшейся сукровицы, песка и гноя с торчащими лохмами еще не отмершей кожи, обнаружилась чистая рана – неглубокая, но обширная. Похоже, один из ударов кнутом пришелся вскользь, содрал целый лоскут... или тут следы от нескольких ударов?

– А что ты хотел? Сюда приходят без тату, – заметила Зорга, по достоинству оценив мою перекошенную харю. – Редко кто попадает со старыми тату – вроде как проскакивает чудом через фильтры. А у фуриров негласное правило сносить непонятные татуировки кнута. Они найдут причину, чтобы стегануть именно по этому месту. Но сначала намекнут, что тебе лучше свести татуировку самому, а затем ознакомиться со списком вполне дозволенных накожных изображений и изречений.

– Я вашу мать!

– Там было что-то памятное?

– Сука!

– Точно что-то важное...

– Так... – пробормотал я, опуская голову. – Так... вроде я помню... вроде не забыл...

Каждая строчка – номер загруженного Камальдулой сумрачным путем во внутренние системы Формоза. Все, что требуется от меня – добиться кое-чего не слишком сложного и при первой же представившейся как награда возможности ввести нужные цифры и буквы. Ладно еще третья строчка – там ничего живого. Там моя Гадюка и мини-арсенал на все случаи гоблинской жизни. А вот первые две строчки – коды доступа к контейнерам со свежеморожеными гоблинами... А запасов энергии для поддержания хладного сна всего на неделю максимум.

Сука!

Я ведь помню, да? Вот почему-то начал сомневаться только что... там ведь сначала восьмерка, а потом единица? Или наоборот?

И сколько дней я уже здесь нахожусь?

Вспомнив про интерфейс, поспешно ткнулся и... ничего... перед глазами не появилось ни единой зеленой строчки или даже буквы.

– Дерьмо! – прошипел я – Дерьмо!

– Что-то важное?

– Дерьмо!

– Погоди... а почему для тебя это так важно? У нас ведь стерта память... – вслух задумалась нурса, откладывая губку и берясь за обычный остро наточенный нож. – Будет больно. Срежу лишнее мясо.

– Дерьмо!

– Нет, серьезно... почему тебе так важны какие-то цифры и строчки? Это ведь прошлая жизнь, которую никогда не вернуть. Пусть то, что покоится во тьме, там и остается.

Перед глазами разом возникло три замерших в темноте складских подземных помещений стандартных контейнера, которые, не вызови их никто цифробуквенной комбинацией, никогда не будут подхвачены бесстрастным манипулятором...

– Дерьмо! – уже не зашипел, а зарычал я, в то время как в побитую жизнью эмалированную миску один за другим падали окровавленные куски кожи и мяса.

– Реально ведь тебя били без жалости... в паре мест рассечено до кости. Не понимаю, почему заражение настолько несерьезное – свои кнуты надсмотрщики редко чистят.

– Уверен ли я? – пробормотал я. – Хотя хрен с ней, с ошибкой... главное – вспомнить верные комбинации... я помню все три?

– Уф! Вот ты тяжкий! Не можешь вспомнить сам – спроси Зирвеллу.

– Кого? Почему?

– Зирвелла конторист. Она лично встречает каждую кабинку с новенькими. Записывает выданные им имена в своей толстой книге, туда же заносит все внешние приметы – рост, телосложение, пол, примерный возраст, шрамы, цвет глаз. Для отчетности. Туда же входит описание татуировок. А Зирвелла очень дотошная – наверняка записала каждую букву и циферку.

– Сука! – оскалился я с шипением, и нурса шарахнулась от меня:

– Ты чего?!

– Продолжай, – выдохнул я, медленно успокаиваясь. – Где мне найти эту долбанную Зирвеллу?

– В башне. Тебе туда не попасть. Разве что вызвать ее получится посланием через кого-то из команды на барже. Они передадут послание и обещание оплаты... Но это ведь странно! Ты потревожишь конториста, чтобы узнать, о чем было написано на твоём плече?

– Башня, – повторил я. – Зирвелла конторист. Команда башни. Описание в книге. Ладно... с меня причитается, Зорга.

– За что?

– За говорливость и приметливость. Чем отдать долг?

– Песо! Я не дура, чтобы ломаться и отказываться.

– Должен тебе столько же, сколько дал в первый раз.

– Ого... ты щедр для потенциального покойника. Забыл? Вот-вот за тобой явятся. Время до заката еще есть, но вряд ли они захотят упускать тебя из лагеря, чтобы потом ловить по всей зоне.

– Ты про фуриров?

– Про маму твою! Конечно, про фуриров!

– Это херня, – буркнул я. – Ты закончила?

– Пройдусь из спрея медицинским клеем – и готово. Лекарство, что я нанесла, очень надежное. Проникает глубоко в ткани, ускоряет регенерацию. Я одного понять не могу – почему у тебя некоторые рубцы уже начали зарастать? Прошло ведь всего три дня.

– Три дня я здесь? – зацепился я, чувствуя, как на спине оседает тонкая пленка тут же начинающего застывать клея.

– Этот четвертый. Кнуты на вкус твоя спина начала пробовать с первого же дня. Говорю же – ты сразу не понравился фурирам. Они будто почувствовали что-то... Боюсь, не отдашь ты мне должок, щедрый планк. Ты умрешь мусором Формоза... Но я все равно подарю тебе выстиранную рубаху сдохшего Зупса – надо беречь раны от солнечных лучей. И вот еще шорты... Твой долг растет.

– Я отдам, – почти не обращая внимания на ее слова, произнес я.

Приняв металлический стаканчик с тремя разноцветными таблетками, опрокинул его в рот и запил чересчур сладким сиропом, отдающим анисом.

– Мне бы воды. Хотя бы литр.

– Эй... начинаешь наглеть.

– Держи, – я толкнул револьвер к нурсе и начал натягивать шорты. – Мы в расчете за все?

– О да! В этом месте девушке надо быть вооруженной... Мне часто приходится ходить одной вдоль прибрежной линии... Уверен? Даже мозги себе вышибить не сможешь.

– Воду.

– Вот.

Приняв бутылку, я начал пить мелкими глотками и не остановился, пока не выпил все до капли. Опустив пустую бутылку на столик, глянул на кровавые ошметки срезанного с меня мяса в эмалированной миске на полу, передернул плечами, чувствуя стеснение от застывшего клея и шагнул к выходу, на ходу подхватывая сумку и тесак.

– Бывай, нурса.

– Прощай, – вздохнула мне вслед Зорга.

– Эй! Шармута! – от стойки заорал на нее плечистый здоровяк с отвислым надутым животом. – Кому раны лечишь, сука?! А ты – сюда давай!

К моему горлу дернулась странная хрень вроде рогатки, насаженной на длинное древко.

Легко отбив эту херню в сторону, я коротко ударил кулаком, почувствовав, как под костяшками продавилось и хрустнуло горло. Второй удар не понадобился – рухнув, здоровяк забился на утоптанной земле, пытаясь сделать хотя бы один вдох. Шагнув в сторону, я ушел от умелого, но недостаточно быстрого удара мачете, что тут же перекинулось мне в руку, а еще через секунду оказалось по рукоять засажено в живот заоравшего недоумка, бросившего бежать, но наткнувшегося на столб и упавшего вместе с ним. Сверху рухнуло полотно тента, мгновенно окрасившееся красным. В прореху в крыше упало пятно солнечного света, что ярко осветило моего третьего противника – заверещающую девку с кнутом и копьем.

Копьем!

Хотя кираса на ней меня ненадолго заинтересовала, пока я не понял, что для меня она будет слишком мала.

Я повесил ее на собственном кнуте, захлестнув второй конец на затрепавшей балке. Пока она еще дрыгалась, деловито осмотрел карманы ее штанов, горестно вздохнул, глянув на неплюхое, но снова маленькие сандалии. Мне достались несколько монет и странная расчерченная на квадратики металлическая пластина. На части квадратиков были фигурные замысловатые отверстия. Почесав краем пластины покрытый мазью чешущийся лоб – забыл шляпу, а возвращаться влом – я обернулся к замершей за стойкой старшей нурсе и, тяня за ногу повешенной, чтобы быстрее сдохла, спросил:

– А сами фуриры празднуют?

– Они на вечной страже. Праздников не имеют... официально...

– Сейчас они меня атаковали...

– Ты в стылой тени, Оди.

– Где? А... ты про сумрак? – понял я, убеждаясь, что первого фурира я убил «на свету», но он не пытался меня убить. Скорее он хотел сбить меня с ног и прижать к земле своей диковинной херней. Второй надсмотрщик бил уже тесаком, находясь в поле зрения полусферы, но она не успела бы вмешаться – я оказался быстрее. И тут, скорей всего, надсмотрщик просто лажанулся, не сдержав эмоции и подставившись под системные очи. А вот девка повела себя умнее – осталась в занавешенном коридоре и пыталась заманить к себе... но я вытянул ее за кнут и повесил, перед этим перебив локтем нос...

За спиной старшей нурсы появилось несколько потрясенных сонных девушек, прячущихся за ней как за стеной. Хмыкнув, я протянул руку, поймал пущенную как фрисби соломенную шляпу и, перехватив поудобней тесак, двинулся на шум. Что-то там орали про Замрода... Орали откуда-то из центра, где я уже успел заметить стальной столб с яркой красной полусферой. Значит, сразу меня со всех сторон не атакуют. Да вообще атаковать не смогут. Учитывая мое состояние и вооружение, мне выгодней находиться на свету, а не в стылой тени...

Стылой тени... выдумали же... дебилы...

Глава вторая

Радость для своих воспаленных закапанных глаз я обнаружил на потном черепе худющего ушлепка, что попытался убраться с моего пути, но запутался в собственных ногах-тростинках и рухнул, ударившись харей о песок и пустив зеленую слюну. С шорохом вбив тесак в песок, я присел рядом и оперся на рукоять.

– Хорошие очки, упырок...

– Дарю...

– Дарить своей жопе будешь, гоблин. Покупаю.

Порывшись в кожаной сумке, обнаружил там недоеденный кусок соленого мяса, горсть стеклянных разноцветных шариков, сложенный пожелтый лист бумаги и несколько монет. Их я и бросил в песок.

– Продано! – с нескрываемой радостью прохрипел тощий гоблин, жадно сцапывая деньги вместе с песком.

Поднявшись, он поковылял прочь, оставив на песке единственное свое имущество, не считая трусов – солнцезащитные треснутые очки в синей пластиковой оправе. Подцепив их за дужку, я отставил руку в сторону, и замерший с бутылкой гоблин, сидевший на низенькой табуреточке и собиравшийся промыть язву на левой голени, послушно вылил часть воды на мои новые очки, смывая стылый наркоманский пот. Тот доходяга с зеленой слюной по любому был торчком и оставалось ему немного. Промыв очки, нацепил их на переносицу, и мир потемнел до приемлемой яркости. Дерьмо... до тех пор, пока обожженные глаза не заживут, мне все будет казаться невероятно ярким и ослепительным. Оставив в ногах поделившегося водой кожаную сумку со всем содержимым кроме свернутого листа, я двинулся дальше по стремительно пустеющему передо мной проходу, на ходу разворачивая бумагу. На бумаге оказался достаточно длинный перечень имен и цифр. Хватило минуты, чтобы понять – это список должников Нашхора. Фраза-девиз в верхней части листа гласила «Либо деньгами – либо жопой! Им решать!». Странный язык... замысловатая вязь... но я понимал смысл, хотя и с некоторой задержкой.

Скомкав бумагу, я бросил ее на решетку тлеющего у небольшого прилавка гриля. Бумага тотчас вспыхнула на раскаленном металле.

– Вот ты где! А ну к ноге, планк!

Чуть качнувшись, я позволил кнуту надсмотрщика щелкнуть по воздуху, едва не задев выпученный глаз с запозданием упавшего на жопу владельца гриля. Перехватив кнут, резко дернул на себя, и жилистый длинноволосый бородатый парень с изумленным хеканьем рванулся вперед, смешно засеменив и пытаясь снова упереться в землю, одновременно сдирая с запястья петлю кнута. Дернув еще разок, я подался вперед, отбил удар ножом и вбил кулак ему в живот. Схватив скрючившегося придурка за волосы, я приподнял его чуть выше.

– Я и кнут – одно целое, да? – одобрительно кивнул я искаженному лицу, перед тем как прижать его к решетке жаровни.

– А-А-А-А-А!

Его руки уперлись в раскаленный гриль и тут же зашипели, он с диким воем попытался отодрать полыхающее лицо от решетки, но я давил сильнее, и парень замолотил ладонями по металлу, оставляя прилипшие куски дымящейся кожи. Выгадав момент, я отступил и рубанул. Тело рухнуло, плеснуло кровью на песок, пару раз дернулось и затихло. Голова осталась на решетке, окутанная пламенем и дымом.

– Не вздумай сожрать, – я направил тесак на упавшего хозяина заведения.

– Смалахове – не мое, фурир, – заверил он меня, робко приподнимая большие самодельные щипцы. – Я уберу... и почищу решетку...

– Я гоблин. Гоблин Оди.

– Как скажешь, гоблин Оди, – быстро сориентировался и слабо улыбнулся тот. – Хочешь, зажарю тебе крысу? Убью и выпотрошу на твоих глазах. Бесплатно. Только не убивай...

Я двинулся дальше, не обращая внимания на замерших в палатках и под тентами здешних обитателей. На что смотреть? Смуглые, тощие, почти обнаженные, подышающие от кожных болезней и грязи, всего боящиеся и тихонько скандирующие свой главный девиз: главное – терпеть и жить тихо и спокойно, тихо и спокойно...

Шаг...

И я прямо почувствовал, как в меня уперся равнодушный системный взор. Огромная красная полусфера грозно нависала над центром квадратной площади, огражденной низкой каменной стеной, что служила указующей границей докуда можно ляпать кривые палатки. Хотя здесь, у центра, «особняки» были побогаче – большой размер, пластиковые стены, кое-где даже подобие окон с усаженными насекомыми москитными сетками.

В центре площади, под стальной колонной и жопой полусферы, находился высокий дощатый помост, проходящий на место заседаний и эшафот одновременно. Чуть в стороне пяток столов с лавками, прикрытых зонтами. Крохотные пятнышки сумрака прямо под полусферой? Как раз на помосте, рядом и у столов, находились те, кого я искал – пара десятков крепких вооруженных рыл, почти на каждом старая выцветшая бейсболка, солнцезащитные очки и шейный платок. Ну надо же... вот они – сливки здешнего общества. Фуриры...

Стоило мне выйти на солнечный свет, и над площадью повисла напряженная тишина, что длилась недолго – от силы секунд десять. За это время я успел пройти треть небольшой площади, скользя равнодушным взглядом по лицам медленно стягивающегося к каменному периметру населения. На испуганных харях забитых жизнью и кнутами гоблинов отчетливо читалось желание получить хотя бы немного развлекухи – и желательно с кровью, кишками и фонтанами размозженных мозгов.

– Что же ты натворил, планк? – яростно громыхнул властный голос.

Его обладатель обнаружился сразу – он высился на добрых две головы надо остальными. Средних лет, широкоплечий, в простой чистой серой футболке, черных штанах до колен, крепких ботинках с высокими носками. Кожаный ремень с закрытой на клапан кобурой. Белый шейный платок, черная бейсболка и очки с темно-желтыми линзами довершали облик фурира. Или я низковато взял?

– Замрод? – поинтересовался я. – Гоффурир Замрод?

– Он самый.

– Хотел что-то? А то я тут праздную...

Чуть наклонив голову, я с интересом взглянул на пухловатую девку, сжимающую сразу два кнута. С моего тесака продолжала капать кровь обезглавленного, оставляя на песке темные пятна.

– Ты... – начал было Замрод, но взгляделся в меня чуть внимательней и... осекся, задумчиво провел ладонью по идеально выбритому подбородку.

– Тебе не жить! – прошипела пухлая, крепче сжимая кнуты. – Ты зарезал Мурсика! Мы ждем... мы ждем... скоро я сдеру с тебя кожу и...

– Заткнись, – тихо велел Замрод, и девка захлопнула пасть, не договорив угрозу.

– Кто ты такой?

Толпа вокруг гоффурира колыхнулась и начала раздаваться в стороны. Я увидел сети, рогатки на длинных древках... понятно... убивать празднующего они открыто не рискнут, а вот опутать его сетями и обездвигить...

Разумно.

И ясно, что поговорить не получится – для начала они решили поймать бесноватого. Запеленать в сети. А там уже можно и решать. Но как дело не обернется – я все равно сдохну, предварительно пройдя через все порожденные их убогой фантазией пытки.

Ладно... ладно...

– Мы просто поговорим, – с легкой улыбкой предложил Замрод, демонстративно показывая пустые руки.

Я коротко дернул рукой, и один из «рыбаков», что по его тупому мнению умело подкрадывался ко мне сзади, поймал меж ребер брошенный нож, выронил сеть и упал. Парой быстрых шагов оказавшись рядом, я добил ушлепка, забрал нож, сеть и два связанных веревкой пластиковых шара, что вроде как были наполнены песком. Достаточно увесисто.

– Постой...

– Я вас всех вырежу, – оскалился я, отступая обратно к палаткам. – Всех до одного!

Крутнувшись, держа в ладони пластиковый шар – поплавков от сети? – я вбил его в лицо выскочившей из палатки суки. Она с хрипом рухнула, схватилась за промятую харю. Крутнув на веревке второй шар, я врезал им по хребту девки.

– А-А-А! Сука! Боло не так работает!

Ударом ноги сломав ей шею, я скрылся в узком проходе, исчезая с глаз системы.

– Нет смысла бежать! – загремел Замрод. – Ты лишь отсрочишь неизбежное! Я знаю, что ты отдал револьвер старшей нурсе. Глупо! Как теперь выстрелишь? Как убьешь на расстоянии?

Он, находясь в зоне видимости и слышимости системы, не стал говорить, что они-то как раз вооружены огнестрелом и скоро пристрелят меня. Но я суть уловил и с той же мрачной усмешкой ответил из-за палаток:

– Гоблин... ты забыл – я убиваю не сборщиков. Я убиваю фуриров...

– И что с того? Типа ты смелый и умелый?

– Нет... – отозвался я уже с другого места. – Не поэтому...

– Отомсти за меня... за мою подругу, забитую насмерть, – шепотливой скороговоркой выдав эти слова, согбенная безногая старуха упала обратно за дырявый полог, оставив на песке длинный сверток.

Молча подхватив, на ходу развернул, глянул, переломил и заглянул внутрь. Старый двустольный обрез с единственным патроном. Развернувшись, я поднял оружие и нажал на спуск. Облако дробы с готовностью искромсало лицо влетевшего в проход молодого гоблина с сетью. Звук выстрела пролетел над лагерем и затих. Подняв обрез над головой, я рявкнул:

– Я порешу всех долбанных сучьих фуриров! Каждого, кто бичевал вас! Каждого!

– Откуда у него дробовик?!

– Я НЕ ВИЖУ! ГЛАЗА! МОИ ГЛАЗА! Я НЕ ВИЖУ! – лишившийся лица парень, натыкаясь на столбы, путаясь в тряпках, вывалился обратно на площадь. – Я НИЧЕГО НЕ ВИЖУ! СУКА-А-А-А-А!

– Не захотели говорить – будете умирать! – крикнул я и, наугад выбрав маршрут, двинулся к самому тесному скоплению убогих пристанищ здешнего сброда.

Передо мной на песок упал одинокий винтовочный патрон, подхваченный на бегу.

– Левее! Сюда!

Брошенный тяжелый кастет не успел коснуться земли и через секунду уже был у меня на пальцах. Следующим я подобрал еще один патрон – двенадцатый калибр. Судя по маркировке – мелкая дробь. Ну и хрен с ним... с клацаньем проглотив патрон, обрез тут же выплюнул подарок – прямо в лицо следующего загонщика с сетью.

– А-А-А-А-А-А!

– Вот дерьмо! – послышался знакомый и уже не такой спокойный голос. – Фуриры! Братья! Поймите этого сумасшедшего! Вперед! Поймите целым и невредимым – он явно нездоров...

Ну да... только что Замрод отдал прямой приказ загнать и убить меня. Я тихо рассмеялся, а через пару секунд мой смех стал громче, когда с той же площади донесся еще один громкий хриплый властный голос:

- С чего ты вдруг раскомандовался, гоффурир Замрод? У меня прав не меньше!
- Так командуй, гоффурир Золвадус! Он убивает наших!
- Не тебе посылать в бой мои бригады!

Ухмыляясь, подхватывая с песка два тонких самодельных метательных ножа, я бесшумно пробирался по узким проходам палаточного лагеря, двигаясь вокруг площади.

– Он тут! – указала было на меня какая-то баба, но на нее тут же навалилась другая гоблинша, вжав первую говорливой харей в песок.

- Не видим его!
- Осторожней, Полг! У него огнестрел! Двое ослепли!
- Кто он, сука, такой?! Кто этот долбаный Влуп?!

Звук чужого выстрела пришел с запозданием. Рухнув, я перекатился, набивая в свежую рану грязный песок. Подскочив, не выпрямляясь, бросился в первый попавшийся проем входа, успев увидеть, как падает в сторону согбенный старик, прижимая руки к простреленной груди. Еще две пули прошли ткань палатки, едва не снеся макушку визжащей девки. Кучно бьет... ударив ножом, пропоров ткань, я вывалился наружу, перекатился, метнулся за выглядящий прочным дощатый ящик и... не добежал, опять упав на песок. На этот раз обожгло левое бедро.

– Сдавайся, Влуп!

– Дерьмоеды! – прошипел я, ползком ввинчиваясь в неглубокую утоптанную канаву, что вела куда-то все ниже. Зажимая рану на руке, глянул внимательней на странный проход. Увидев отвесные земляные стены с вырезанными в них нишами, забитыми барахлом, все понял и решительно двинулся вперед. Четыре метра пологого спуска, и я поднялся во весь рост в широком рве, что достигал глубины трех метров и представлял собой что-то вроде подземной улицы с ответвлениями и вырезанными в твердой как камень земле комнатухами. Здесь точно нет управляющей системы – Камальдула подобной херни не позволила бы. Впрочем, она бы и не разрешила городить весь этот сумрачный хаотичный городок.

Припав к стене, я содрал рубаху, разодрал и наспех соорудил тут же пропитавшиеся кровью повязки. Снова грязные и мокрые от крови лапы работали, а взмокшая голова думала.

Как Замрод за считанные минуты успел узнать, что я передал револьвер старшей нурсе? Ему точно не Зорга рассказала – даже захоти она, все равно бы не успела. Раз что ей пришлось бы опрометью бежать в сторону, чтобы я не увидел, затем сворачивать и еще быстрее нестись к площади. Там еще надо успеть доложить и скрыться до моего появления. Зорга послала гонца? Нет... я не видел бегунов – убегающие не в счет. Гонца с вестью всегда легко отличить от обосранного труса.

Зато там были системные полусферы...

Здесьняя система стуканула Замроду, передав важную инфу?

Пока буду отталкиваться от этого.

Дернув головой, я встретился взглядом с вылезшим из тесной земляной норы мужиком. Ему хватило секунды, чтобы оценить ситуацию и втянуть жопу обратно. А еще через секунду меня там уже не было – продвинувшись на десяток шагов вперед, я поднялся по другому узкому склону и вернулся к пыльным палаткам, где грохотали типа дерзкие и грозные голоса ищущих:

- Куда он делся?
- Мы найдем тебя!
- Сдайся сам – сдохнешь проще!
- Я тебя освежую! – тонко и громко провизжал нервно подрагивающий хреносос с грязным дробовиком, замерший посреди прохода и поводящий стволом оружия из стороны в сторону. – Покажись, планк! Я тебя высосу! Как устрицу!

Поднявшись за его спиной, я коротко ударил, вбивая нож в основание черепа. Второй нож утонул между ребрами слева. Подхватив дробовик, я содрал с плеча заваливающегося трупа наклеивающийся на липучку странноватый патронташ на пяток патронов – было всего два. Уйдя с прохода, на ходу разрядил оружие и снова зарядил, обратив внимание на выжженную на пластиковом прикладе надпись «Зона 40». Чуть задержавшись, перевернул дробовик и глянул на не слишком старательно затертое слово в нижней части приклада. Знакомые буквы разобрать легко. Бункерснаб.

– Где он?!

– Я нашел Тофса! Тофс сдох! Тофс сдох!

Крутнувшись, я вернулся тем же путем и убил верещащую девку, не став трогать ее копье и обрывок рыбацкой сети с крючьями. Ориентируясь по голосам загонщиков, чуть ускорился, миновал активно ищущий меня участок палаточного лагеря и оказался в трех шагах от каменного декоративного периметра центральной площади, оставаясь при этом скрытым тен-том. Почти не целясь, трижды выстрелил и снова растворился между палатками, провожаемый взглядами изможденных тощих сборщиков. Шаг... и на площади поднялся дикий ор. Шаг... и с площади раздалось три выстрела, следом гневные окрики и... долгий пронзительный вопль подышающего. Прихрамывая, скользя между постройками, в один из просветов я увидел, как на площади грузно упал стрелок с винтовкой. Над ним стоял Замрод с тесаком. Подняв такой же тесак и направив его на гоффурира Замрода, стоял еще один надсмотрщик с короткой седой бородкой и в фиолетовой металлической кирасе.

Хорошо... даже отлично...

Расслабляться я не собирался – раны жгло, не давая забыть о стрелке, что сумел достать меня даже в этом хаосе из тряпок, веревок и пьяных сборщиков. Я так и не увидел его, но он может быть где угодно. Главное – не останавливаться....

Обогнув один из углов площади, я вскинул дробовик и... опустил, увидев выставленные кругом щиты из дерева, металла и пластика. Поздновато, но все же спохватились, суки. Что ж... Развернувшись, двинулся прочь, по пути вспоров глотку выскочившему навстречу парню с мачете. Второму, что бежал за ужедохлым лидером, я нанес несколько глубоких ран в живот, но добивать не стал. Когда его сдавленные крики, служащие мне ориентиром, отдались и сместились влево, я круто свернул и полоснул тесаком по глазам спрятавшейся хитро-жопой, как она считала, суке с сетью в руках. Завыв, она куда-то побежала, но налетела лбом на столб и рухнула. На нее тут же навалилась какая-то смуглая деваха с изрубцованной спиной, начав часто и неумело наносить удары ножом куда придется. Ослепшая надсмотрщица колотила ногами и что-то хрипела, но всем слышавшим было посрать. А еще через несколько секунд воздух разодрали пронзительные звуки сирен.

– Двузубая Башня гневается! – перепугано провыла сухонькая безухая лысая старушка, вставая и приседая на своей водорослевой подстилке с частотой метронома. – Зилрой и Зилра недовольны! Зилрой и Зилра недовольны!

Сирены смолкли, но вместо них зазвучал голос уверенного в себе гоблина:

– Никто не смеет портить священный для нас праздник Смакендритт! Фуриры! Прекратить! До заката еще есть время! Всем фурирам – собраться на площади! Немедленно!

Короткая пауза...

– Праздничный убийца Влуп! Он же Оди! Ты в своем праве! Можешь продолжать! Но если надоело – баржа ждет у берега. Ждем в гости. Поговорить...

Дослав патрон в дробовик, я чуть помедлил, прислушиваясь к молчаливому частому топоту ног – застигнутые в разных частях лагеря надсмотрщики торопились вернуться на центральную площадь. Один из них пробежал мимо, увидев меня, посеревшего от грязи, слишком поздно и с тонким визгом высоко подпрыгнул.

– Беги дальше, сука, – поморщившись, буркнул я, и перепуганный гоблин поспешил воспользоваться шансом.

Пожав плечами, я выпрямился и... замер, наткнувшись взглядом на вытекшего из-за поворота... кого-то... длинный грязно-белый плащ с редкими черными разводами скрывал очертания фигуры, но я увидел винтовку, чей ствол как раз направлялся на... Замершая фигура помедлила, пялясь на меня чернотой капюшона, в которой поблескивали линзы защитных очков... секунда... и плащеносец бесшумно утек, двинувшись в обход. Вот и встретился с тем, кто сумел достать меня дважды.

Ладно...

Усмехнувшись, глянув на прикрывающие раны повязки, я зашагал по улочке, двигаясь к берегу.

* * *

Выскакивать на берег как гоблин из жопы мира я не стал.

Если я отмечаю Смакендритт с тесаком и дробовиком, кто-то другой и говорливый может праздновать с пристрелянной винтовкой.

Поэтому я задержался за окраинным рядом пыльных тентов, добравшись сюда ползком – чем ближе к краю, тем ниже и уродливее эти пристанища, собранные из всего, что только попалося аборигенам под руку. Куски дырявого пластика, рваные автомобильные покрышки, камни, хреновые глиняные кирпичи и пучки сухой растительности. Все это в высоту достигало максимум пояса среднерослого гоблина. Лежа на исцарапанном животе – зацепился за сухие колючки – я огляделся и увидел лишь одного здешнего жителя. Неподвижный старик с минуту пялился на меня мертвыми тусклыми глазами, прежде чем осознал, что ему это не чудится. Изучив кровь на моих повязках и злой грязный оскал на моей харе, он дрожащей рукой протянул мне кусок какой-то зеленоватой хрени с черными вкраплениями. Что-то вроде хлеба? А может кусок дерьма здешних подводных тварей... Мотнув башкой, я отказался от угощения, и старик тут же спрятал его обратно в пыльные тряпки, что кутали его странно изломанные тощие ноги.

– Я выдержал сто... – голос старика шелестел как крылья мертвой птицы, падающей с неба. – Я выдержал сто ударов... я выжил...

Услышав слабый стук двигателя, я чуть наклонился, глянул в узкую щель, полную солнечного обжигающего света, и увидел подходящую к берегу баржу. Ага...

– Я выдержал сто...

Кивнув, я дернулся в сторону, сдернул одну из свисающих с тряпок и внутри соседнего «вскрытого» мной убежища обнаружил присевшего на корточки худого длинноволосого гоблина с тесаком в руках и ножом на поясе. Одного удара хватило, чтобы притаившийся ушлепок рухнул на песок и задергался, пытаясь заставить грудь расшириться и загнать внутрь хотя бы глоток воздуха. Содрав с него нож, я рывком приподнял хренососа и подтащил ближе к границе поселения.

– Я выдержал сто ударов арматурой, – прошелестел за нашими спинами старик.

– Гулп! Гулп! – задыхаясь, выдохнул пленник.

Его выпученные и наливающиеся кровью глаза молили о пощаде, но в то же время правая рука пыталась вбить мне тесак в ребра. Отбив его оружие, я успокаивающе улыбнулся и сказал чистую правду:

– Отпускаю, – произнес я, вздергивая добычу на ноги и нахлобучивая ему на голову свою шляпу.

Развернув за плечи, пнул в жопу, вышвыривая на прибрежный солнцепек. Пусть живет...

Резкий треск... над подошедшей почти вплотную баржей поднялся едва заметный дым... отпущенный мной гoblin рухнул на колени и схватился за выросший из яиц стальной шип. За его пробитой насквозь жопой лязгнул раскрывшийся зонтиком наконечник гарпуна. Последовал рывок приделанного к штырю троса, и гоблина потащило в море под гул набирающей обороты лебедки.

– А-А-А-А! А-А-А-А! – над побережьем зазвучал протяжный запоздалый вой. – А-А-А-А...

– Охренеть, – буркнул я, наблюдая за происходящим из палатки шелестящего старика. – Ты видел? Хера себе вы тут от глистов чистите...

– Я выдержал сто ударов... Замрод был справедлив... так сказали люди... я выдержал сто ударов...

– А чего не отомстил? – поинтересовался я, глядя, как орущего гоблина затаскивает в океан.

Секунда... и в бьющееся в волнах тело вцепились сначала осклизлые вспухшие руки, а затем и зубы здешних падальщиков. Лопающаяся расходящаяся кожа, обнаженное мясо, льющая на белесые жадные хари кровь... шесть когтистых пятерней дружно растягивают в стороны ягодицы, наружу лезет требуха...

– Не жрать, суки! – усиленный микрофоном голос с баржи отличался от того, что сделал мне приглашение поговорить. – Это моя добыча! Не жрать! Отплачу крабовым мясом! Не трогать! Я убил Влупа! Я убил Влупа! Я отомстил!

– Замрода не так легко убить. – старик уставился на меня, его челюсти механически двигались, перекатывая в слюнявом рту крохотную зеленую крошку. – Я выдержал сто ударов... у Замрода два сердца...

– Ну да... а жоп сколько?

– У него глаза на затылке...

– Ага...

– Он быстр... очень быстр...

– Чем еще напугаешь, старик?

– Я выдержал сто ударов... Меня держали четверо... Замрод бил... мне бы достать хоть одного – и титановые ворота рая откроются предо мной без скрипа... я нащупаю мягкие сочные сиськи небесной девы...

– Ага... так достань...

Продолжить интересную беседу не дали – над водой зазвучал переполненный злобой рык:

– Кепос! Сука! Кто разрешил?!

Второй оратор не замедлил с ответом, и на этот раз я услышал в его голосе не ярость и радость, а испуг насравшей на рожу спящего хозяина собаки, что знает – наказание неизбежно:

– Он убил мою Тувочку! Убил Тувочку! Я отомстил! Мое право! Мое праздничное право! Щелк...

Этот странный звук нельзя было обозначить иначе... он пришел в уши именно резким щелчком кнута... И в ту же секунду виднеющаяся над баржей голова крикуна взорвалась или даже лопнула как спелый гнойник. Обезглавленное тело взмахнуло руками и рухнуло за борт. Над водой поднялся и закачался у борта пустой гарпун с редкими мясными лоскутами.

– Вот ДЕРЬМО! – вздохнул раздраженный голос. – СУКА! СУКА! ДОЛБОСУКА! Эй! Выпейте за дохлого Влупа! Зилрой и Зилра угощают каждого из Сорокушки! Сто граммов за наш счет! Пейте! Пейте залпом как пережившие ядерный апокалипсис! Смерть мутантам! Смерть мутантам! Смерть мутантам!

– СМЕРТЬ МУТАНТАМ! – взорвался ответкой весь лагерь.

– Я выдержал сто ударов... – прошелестел покачивающийся старик.

– Смерть суке Влупу и мутантам! – закривлялась выскочившая на пляж почти голая девка с отвисшими сиськами. – Влуп сдох! Я срала ему в душу! Я ХЫК!.. – покачнувшись, она, чтобы не упасть, сделала пару шагов вперед, оглянувшись, с недоумением потрогала торчащую из жопы рукоять тесака и, прерывисто взвизгнув, упала.

– А че? – пробормотал я. – Мы не хуже сучьих гарпунеров...

– Я выдержал сто ударов...

– На. – уложив перед стариком заряженный обрез, оставив при себе только ножи и короткое копье, я прикрыл подарок краем тряпья. – Отомсти. Любому фуриру в харю.

– Почему там Кросса с тесаком в жопе лежит? – удивился безликий голос с башни.

Выйдя на солнцепек, я в несколько шагов добрался до дергающейся Кроссы, вырвал оружие, попутно вбил ей в затылок копье и хорошенько поворочал, делая мозговое смузи. Закончив, отступил, позволяя вылезшим мутантам прибрежной полосы забрать добычу.

– Зачте-е-е-ется... безымянный... – прохрипел мутант с безглазым оплывшим лицом. Черные выпяченные губы не могли скрыть темных клыков и распухший оранжевый язык. – Зачте-е-е-ется...

– Я Оди.

– Оди... кормилец О-о-оди...

Мясной коктейль со вскрытой скорлупой утащили. Еще через секунду я вернулся в укрытие и широко улыбнулся, увидев, как поднявший дробовик старик нажимает спуск.

Грохнуло.

Всплеснувший руками фурир поймал хлебалом двойной выстрел и рухнул. Отдача выбила дробовик из старческих рук, приклад разбил ему лицо. Заваливаясь, плюясь кровью, старик улыбался:

– Я выдержал...

– Точно...

– Я пошел мять сиськи девы...

– Давай, – буркнул я, забирая с тела еще живого фурира пистолет и проверяя магазин.

– Влуп! Дружище! Ты живой! Так... Все замерли! Все, сука, замерли! Если еще кто-то решит отомстить... он пожалеет! Влуп нужен нам!

– Задрали вы с этим Влупом, – прорычал я, добивая полудохлого фурира. – Я Оди!

Меня никто не услышал. Зато голос с башни заливался постыдным соловьем:

– Жду тебя! Прыгай в баржу – и к башне! Управление там ерундовое. А тангтары тебя не тронут – ты их накормил. Никакой ловушки, дружище Влуп. Ее и в прошлый раз не было – долбаный Кепос мстил за свою девку с огромным членом. Ты ее зарезал... и булки Кепоса осиротели... сам понимаешь – жопная любовь трагична... Да? Или я перебрал с пылью коваль-киса... Оди! Жду тебя! Выпьем!

– Попытка два, – буркнул я вставая.

Глянув на умершего старика, я забрал разряженный дробовик и снова шагнул на песок залитого солнцем побережья.

* * *

Голос с башни не соврал – тангтары меня не тронули. Плывая к покачивающейся на волнах барже, окуная лицо в воду, я видел уродливые тела измененных генетическими манипуляциями гоблинов. Не сказать, чтобы их было много. Сидя на светлом песчаном дне, они запрокинули уродливые головы и провожали меня взглядами или движением безглазых лиц. Ноги и задницы на песке, руки подняты и колышутся вместе с водорослями, несколько безруких жадно хватают ртами кровавые куски из рук кормящих.

Выскочив из воды по пояс, я уцепился за свисающую с кормы веревку и вытащил себя на палубу. Присев за пристройкой, вытряхнул воду из пистолета, вслушиваясь в мертвую тишину, подкрашенную кровавыми пятнами и мозговой жижей. Ничего не услышав, глянул на берег и увидел стоящего у самой кромки воды Замрода. Он стоял бесстрашно, заложив руки за спину, глядя лишь на меня, не обращая внимания на копошащихся у его ног тангтаров, что утаскивали в воду еще два мертвых тела – отомстившего старика и фурира со снесенной дробовым зарядом харей. Демонстративно медленно сняв черные очки, он провел пальцем по красной от крови щеке и показал палец мне. Стоящие за его спиной прилипали дружно закачали головами, застучали кулаками о ладони, принялись чиркать пальцами по горлам, всеми силами показывая, насколько большую ошибку я совершил, пролив кровь самого Замрода. Один от избытка чувств присел и схватился за лысую голову. И тут же поймал горестным хлебалом окровавленный кулак Замрода – тому явно не понравилось тыловое театральное представление. Получив критику, надсмотрщики разбежались. Последним с берега ушел больше не глянувший на баржу Замрод. Вдалеке над центральной площадью заиграла ритмичная музыка, следом послышались ликующие вопли сборщиков, ожидающих праздничные сто граммов самогона. Смакендритт продолжается!

Фыркнув, я стер с лица остатки жгущей солнечные ожоги воды и нырнул в открытую дверь невысокой рубки. Одного взгляда хватило, чтобы понять – управление здесь действительно проще некуда. И долго изучать его не потребовалось – оглядев скудные органы управления, я ткнул кнопку с рисунком двуглавой башни и вышел. Рыкнувшая мотором баржа начала разворачиваться. Судя по солнечным панелям и смутно знакомым обводам корпуса, можно смело утверждать, что баржа на электрическом ходу. Но ревела она так, будто ее толкали вперед движки внутреннего сгорания. Из кормы вырывался серый дым. Принюхавшись, я уловил запах озона и чего-то фруктового. Это точно не гарь сгораемой солярки.

Вернувшись ненадолго в рубку, я прихватил с небольшого откидного столика сверток. Усевшись на палубе так, чтобы быть прикрытым рубкой со стороны берега – не хочу больше ранить сердце видом ведущего по ранке на щеке гоффурира Замрода – развернул сверток и обнаружил в нем свернутую лепешку, набитую жареным рыбьим мясом. Рядом приткнулись два опасно-крохотных зелено-черных перца. Вот это я понимаю – прощальный подарок Кепоса... Кусанув перец, через мгновение я зашипел от разлившейся по рту обжигающей боли и поспешно впился зубами в лепешку с рыбой. Израненные губы рвало изнутри огненным валом, но я блаженно улыбался, пережевывая рыбную питу. Улыбался и глядел на приближающуюся двузубую башню.

Чем ближе становилась постройка, тем отчетливей я понимал, что в основе здания находится древний маяк. Причем маяк мощный, скорее похожий на военную постройку, а не гражданскую – железобетонное литье, никаких украшений, узкие окна бойницы. Впрочем, бушующий штормовой океан вполне можно считать одним из самых грозных противников – снесет и не заметит. Растущие над маяком две доминирующие башни были построены позднее. Светильник маяка оказался зажат между двумя постройками, что были соединены частыми веревочными мостиками и туго натянутыми тросами. На моих глазах по тросу скользнула пара фигур, скрывшихся внутри одной из башен. Там же – вокруг двух зубов Вилки – имелись опоясывающие широкие помосты из бревен, досок, арматуры и просто палок. Разноцветные тенты скрашивали это убожество и даровали тень. Еще один палаточный городок, но подвешенный над шумящим океаном.

Вокруг маяка имелось высокое решетчатое ограждение – частые острые пики поднимались над волнами на три метра. Баржа чуть повернула, ускорила и пошла на таран одного из участков стены. Дожевывая рыбную питу, я с интересом наблюдал, игнорируя пляшущих на меня сверху маячных аборигенов. До тарана дело не дошло – участок ограждения резко ушел вниз, и мы прошли в образовавшийся проход, скользнув днищем вплотную к торчащим в воде

пикам. Я заметил несколько юрких тел, что попытались прорваться в огражденный периметр, но не успели и разочарованно опустились на дно. Среди них были не только тангтары, но и несколько странных здоровенных скатов и совсем уж загадочных рыб с двумя хвостами.

Благополучно войдя внутрь, баржа замедлилась и через несколько минут замерла у бетонного причала. С его противоположной стороны замерла такая же посудина. Над нами висели примитивные разгрузочные краны, а еще выше из основной части массивного маяка выходила канатка с замершими кабинами. Сегодня праздник... работать нельзя, можно только бухать и убивать.

Не дожидаясь встречающих, я спрыгнул с баржи и зашагал по причалу, в то время как закатное солнце продолжало напоследок обжигать мою кожу, пытаясь нанести как можно более глубокие ожоги. Вот так и поверишь, что старушка планета до сих не простила долбаных гоблинов за нанесенные увечья.

– Добро пожаловать, гордый Оди! С праздником тебя! – ослепительно улыбнулся мне выскочивший из приоткрытых широких металлических дверей горбатый пузатый карлик в длинном одеянии, похожем на великанскую майку, что достигала почти до земли.

Из дыры в майке чуть левее пупка торчал начищенный до блеска медный кран.

– Заткнись и вежи.

– Ладно! – едва заметно поклонившись, карлик громыхнул подвешенными к поясу кружками и торопливо засеменил к дверям. – Я Тякиноко!

– Мне посрать.

– Ты зол и устал... кожа обожжена... вот... – остановившись, карлик снял с пояса одну кружку, стукнул ей о торчащий из пуза металлический носик, повернул кран, и в посудину полилась желтая струйка. – Вот! Прими от всей души, дружище Оди! Триста граммов целебной амброзии в твой рот из чрева моего! Испей моих выделений!

Я так неспешно сдал ему горло, что он успел понять свою ошибку и торопливо прохрипел:

– Не моча! Не моча! Я Тякиноко! Я сучий Тякиноко! Гриб! Чайный гриб! КХ-Р...

Пару секунд я думал, потом еще столько же смотрел на дрожащую кружку, поднятую рукой почти покойника. Наконец принял и разжал пальцы, отпуская горло горбатого карлика. Вытерев руку о его майку, я зашагал дальше, а хрипящий ушлепок с краном в пузе поспешил за мной.

– Ты зол... так зол... твоя кожа обожжена....

– Убью.

– Ты умел... убиваешь быстро... ты безжалостен и любишь проливать кровь... – приостановившись, карлик влил в себя вышедшее из крана, повесил кружку обратно на пояс и опять поспешил за мной, не ведая, а следуя и продолжая говорить: – Вот почему великий Зилрой сразу приметил тебя...

– Это что? – задумчиво спросил я, уставившись на пристенные живые украшения.

За металлическими дверями обнаружился вполне ожидаемый широкий недлинный коридор, что выходил в округлое и чуть утопленное в скалу помещение первого этажа. Вверх вела столь же ожидаемая винтовая лестница, по центру находилась забранная решеткой лифтовая кабина, куда я соваться не собирался. В полу у входа в зал имелись ведущие еще ниже закрытые сейчас стальные створки. Вверху замерли крюки погрузочных машин, а выше, на высоте третьего этажа, я увидел заставленную ящиками решетчатую платформу – похоже, это зона загрузки, где все собранное уходит в кабины канатки.

Меня же заинтересовали сидящие у стены пузатые ушлепки с настолько гигантскими раздутыми животами, что они покоились на отдельных подставках. Обнаженные гоблины, раскинув ноги, привалившись к мягкой обивке стены, все как один пялились на несколько мерцающих перед ними экранов, откуда неслись знакомые еще с ВестПик звуки приторных сериалов.

– Роберто! Как ты мог! Трахнул мою сестру? Трахни и меня! Давай, бессердечный ублюдок! Трахай!

Моргнув, я перевел взгляд на двух гоблинш в шортах и майках. Ловко переступая через ноги сидящих у стены, они кормили пузанов, придерживая у их ртов тарелки с жидкой бурой кашей. Запихнули ложку – и к следующему. А всего пузанов было семь, хотя у стены имелось место для восьмого, но оно пустовало. Третья девушка, воркуя что-то на ухо шестому пузану, что громко чмокал губами и влажно попердывал, обрабатывала рукой его дряблый член, явно пытаясь добиться оргазма. Четвертая гоблинша, отставив тарелку, прислушалась к происходящему внутри задрожавшего живота седьмого пузана, поспешно подставила под торчащий из пуза кран банку, и внутрь полилась прозрачная красноватая жидкость.

– Все условия для сладкой жизни и хорошего качества истинного алокаля! – похвастался карлик и горестно поник. – Жаль я не могу жить также хорошо... Конкурс велик! Сейчас за место десятого священного хряка бьются семеро!

Я молчал, вглядываясь в отекавшие лица живых сосудов, а гоблинша продолжала сливать из дрожащего урчащего живота жидкость, что становилась все темнее, пока почти не почернела.

– Алокаль премиальный, – едва ли не шепотом произнес карлик Тякиноко. – Только на экспорт! Почти настоящий вкус легендарной коки с ромом! Добавь льда – не отличишь! Бьет по голове мягко, как кувалда в подушке! И почти никакого привыкания... Скажи, Оди... хочешь отведать почти настоящий куба либре?

– Двигай жопой.

– Двигаю... еще как двигаю... мой приватный танец зажигает самые черствые сердца, – заверил меня горбатый карлик. – Тяжело быть столь красивым... когда я медленно двигаю тазом и вкладываю свой крантик в жаждущие уста... О! У мягорукой Зофи получилось! Шестой испустил струю! Испустил струю! Его алокаль будет крепче и слаще... Умничка, Зофи!

Стирая выступивший на лбу пот, гоблинша улыбалась с гордостью отменно потрудившейся работницы, вытирая мокрую руку о свою майку.

– Я плесну тебе в ротик из двух своих кранов сразу! – томно пообещал карлик, стоя на винтовой лестнице. – Мой личный коктейль! Ты хочешь?

– Хочу!

– Ты хочешь?

– Хочу! – еще чаще закивала Зофи.

– Ты хочешь? – повысил голос Тякиноко. – УГХ!

От моего пинка его швырнуло вперед, и он лишь чудом не упал, торопливо засеменяв вверх.

– Да-да... я увлекся выдачей премиальных... Поверь, Оди – работников надо поощрять! Пряник лучше кнута...

Он продолжал говорить, но я не слушал, поторапливая его пинками и не забывая изучать внутренности маяка. Когда мы сделали два круга и оказались на решетчатой платформе, я убедился, что не ошибся – мы добрались до зоны загрузки. Над решеткой замерла пустая кабинка с открытыми створками, у стены выстроились в ряд воняющие подпорченными морепродуктами пластиковые контейнеры. Выход наружу был заблокирован тяжелой решеткой.

Мы двинулись дальше, пройдя мимо даже не заметившей нас компании бухающих гоблинов, торопливо закусывающих из стоящего между ними пластикового корыта, полного густого супа из водорослей и моллюсков. Там же мелькали распухшие шипастые рыбы головы и хвосты, а порой лапа жадно жующего гоблина цепляла что-то длинное и тягучее, отправляя в пасть и с хлопаньем втягивая мясную спагетину. Брызги, сопение, сосредоточенные глаза не отрываются от десятилитровой бутылки мутного стекла, где едва розовой жидкости осталось на четверть, а плавающим внутри головастикам уже не хватает места, и они лезут на стекла.

– Башенное мясо чтит праздники, – гордо заметил карлик, на ходу вздернув майку и с наслаждением почесав между мохнатыми ягодицами. Закончив, он заботливо смазал торчащий из живота крантик вычесанной жопной слизью и с удовлетворённым вздохом пояснил: – Сыро здесь. И соль жрет металл. Главное – смазывать. Может, все же налить кружечку бодрящего? И для мозгов полезно! Витамины внутреннего брожения, Оди! Это надо ценить!

Глядя на стенное панно, выложенное из черепов, ребер и тазовых костей самых разных тварей – включая гоблинов – я не ответил, пытаюсь понять, зачем было выкладывать из костей изображение двухбашенного маяка внутри него самого. И странно, что в центре одной вылепленной из ребер башни горит зеленый огонек, а в другой лишь чернота.

– Что случилось с сукой Зилрой, гоблин? – поинтересовался я у горбатой спины, и карлик споткнулся на очередной ступеньке, с испугом вскрикнул, выбрасывая перед собой руки.

Дебил промахнулся – его руки ушли в пустоту между ступеньками. Я помог, поймав упырка за спутанные волосы и рванув на себя.

– А-А-А-А-а-а-ай.... А даже неплохо... – хрипло простонал Тякиноко.

– Что с сукой Зилрой из потухшей башни, гоблин?

– Я чан! Чан грибной! Не надо... не могу сказать... он не любит, когда нарушают его волю! Не любит! Он мне крантики местами поменяет!

– Да ну?

– Оставь его, Оди, – донеслось сверху.

Глянув туда, я увидел высокую и какую-то усталую даже на вид долговязую фигуру в длинном распахнутом малиновом халате. Одежды под халатом я не заметил, а вот металл блеснул...

Показался главный крантик старого маяка?

– Оставь, – столь же устало повторил малиновый халат и махнул рукой, исчезая в сумраке наверху. – Пойдем... выпьем... я зажарю тебе марлина... Тебе берегового самогона? Или из наших пупков изопьешь?

– Самогон, – буркнул я, отпуская карлика и вытирая руку о стену. – Свали, гриб чайный...

– Может, повторим борьбу страстных равных, Оди? Мои крантики всегда к твоим услу... – поймав мой взгляд, карлик осекся, съежился и начал стекать со ступенек.

– Где долбанная Зилра? – крикнул я в царящий сверху сумрак, заодно отмечая, что за все время поднятия не засек ни одной красной или иного цвета системной полусферы.

– Жопу и яйца сестры жарят сектанты, Оди. Спасешь ее член из огня? – эхом отозвался старый маяк.

– Нет.

– Не бесплатно, убийца, не бесплатно.

– Что дашь? – столь же громко поинтересовался я, чуть ускоряя восхождение по гремящей винтовой лестнице.

– Конторист Зирвелла ушла вместе с сестренкой. И книгу свою увезла с собой...

– Дерьмо! – рявкнул я, выходя на верхнюю площадку маяка.

Надо мной прозрачная крыша с металлическим каркасом. Я вижу основание лампы, вижу странную пушку, опутанную проводами, вижу солнечные панели. И вижу две лестницы, что ведут в противоположные стороны от площадки – к двум поднятым зубцам Вилки.

– Но книга Зирвеллы – не плата... – сидящий где-то посередине одной из лестниц малиновый халат всхлипнул и тяжело поднялся. – Нет... просто факт... а заплачу я тебе оружием, снаряжением, бухлом, жратвой и даже собственной жопой, если придется. Только спаси мою сестру.

– А Зирвеллу?

– А Зирвеллу в жопу... из-за нее все и случилось... Сука! Нельзя без разрешения совать свой нос в чужие жопы – особенно в жопы сектантов! Тупая сука-конторист!

Поднявшись, малиновый халат вышел на свет и протянул руку. Я с готовностью вытер о его рукав остатки слизи с волос карлика и ободряюще кивнул:

– Где самогон и марлин?

– Пошли, – кивнул долговязый хрен с узким лицом хищного усталого хорька, черными длинными волосами и зелеными глазами с почему-то белыми густыми ресницами.

– Почему я? – для начала я задал самый простой вопрос.

– Я видел, как ты убивал... и могу точно сказать, что ничего подобного не видел никогда прежде... ты ведь опытный убийца, так?

– Что ты... я просто гoblin из жопы мира, – оскалился я. – На трахнутых тунцах приплыл.

– Тунцах? Не надо дешевой безалкогольности, дружище! Тебя, как и всех, выкинула кабинка канатки... погоди... у тебя память стерта? Больно уверено ты разговариваешь...

– Где долбаный марлин?

– Все будет, – кивнул Зилрой, толкая стальной люк, что послушно и легко поднялся. – Бухла хватает. Рыбы валом. Но зря ты отказался от чайного гриба Тякиноко, Оди... там есть чему душевно изумиться.

– Ага, – зевнул я.

– А чем это пахнет рукав моего халата?

– Изумлением Тякиноко. О... вот это дело...

Подцепив с заставленного различными бутылками столика одну, открыл металлическую крышку, принялся, изучил этикетку с надписью «Кокос-43» и только затем огляделся, делая первый глоток водки.

Трехэтажные апартаменты. Не больше и не меньше. Этажи соединены металлическими лестницами. Нижняя зона представляет собой недавно засранную зону отдыха – это прямо чувствуется, что недавно. Два мягких дивана со скомканными покрывалами, потухший большой экран, а над ним нашлапка красной полусферы на стене. Полусфера крутнулась, на меня уставилось два темных стеклянных зрачка. Поиграв с молчаливой системой в гляделки, я продолжил осмотр. Все... стандартно и с безнадежной неумелой попыткой придать роскоши этому месту. Какие-то старые картины на разную тему, зато с одинаково ободранными золоченными рамами, починенная деревянная мебель с остатками полировки... А вот это интересно... я на минуту застыл рядом с открытым металлическим контейнером, частично утопленным в стене. Там, подвешенный на транспортировочных крюках, застыл подрубленный к подзарядке малый экзоскелет. Название модели само всплыло в моей памяти, что не хотела вспомнить имя матери или первой девушки, зато радостно перечислила все возможные модификации этого экз.

Полицейская модель, модифицированная для целей сдерживания. Именно такие экзы выходили на улицы еще благополучных городов, где население представляло собой потомков самых сдержанных, толерантных и миролюбивых предков. В таких городах недовольные протестующие не пытались громить здания мэрии или захватывать полицейские арсеналы. Максимум шарахались с транспарантами, кричали про свое недовольство. Ну может, самые молодые из них поджигали машины, сталкивали с крыш флаеры, обрушивали огромные панно с постоянной рекламой... мелкие проказники по мировым меркам. Поэтому против них применялись самые щадящие меры противодействия – слезоточивый газ, водяные пушки, изредка резиновая картечь или ультразвук. Короче – все то, что поможет быстро и бескровно подавить неумелое восстание ушлепков... Модель Ля Фундасюн. Модификация Кальма. Из нестандартного разве что встроенный в правую руку...

– Огнемет, – улыбнулся звякнувший бутылкой Зилрой. – Хорошая штука... я пробовал запекать им барбекю...

– И как?

– Мясо воняет...

- Ясно.
- Орет...
- Ага...
- И убегает с кухни... сука...
- Сука, – согласился я и продолжил осмотр.
- Недопеченная каракатица выскочила в то окно и ушла на корм домашним тангтарам...
- Бывает...
- Пожарить тебе стейк?
- Чем?

– На сковороде, – со вздохом махнул воняющим рукавом Зилрой. – Я отчаялся в поварском деле... а вот сестра моя... – он снова всхлипнул и нагнулся над приткнувшимся рядом с экзоскелетом допотопным холодильником со стеклянной крышкой.

Сделав еще глоток, я мимоходом заглянул в исходящий морозным паром холодильник, готовясь в случае чего запихнуть туда его же хозяина, но не увидел ничего кроме рыбы, птицы и замороженных бараньих голов.

– Голову размораживать долго, – неправильно понял мой интерес хозяин одной из башен. – А пара куриц еще мягких есть...

– Курица норм зайдет, – ответил я и, задирая голову, поощрил Зилроя: – Давай по делу.

Второй этаж представлял собой спальню. Поднявшись на десяток ступеней, я убедился в этом, найдя огромную кровать со сброшенными простынями и вспоротым матрасом.

– Я тогда немного психанул, – признался снизу Зилрой. – Ж-жопа...

– По делу говори.

– А что говорить? В голове хаос... надо выпить – и хаос взойдет до снисходительной энтропии... Давай я буду плакать и жарить мясо, а ты слушать и готовиться к спасательной операции?

– Где оружие?

– Выше.

– Начинай рыдать, – кивнул я и потопал вверх, не забыв прихватить бутылку.

По центру крыши нашлась еще одна красная полусфера – лучший охранник арсенала.

Арсенал...

– Дерьмо, – рыкнул я, увидев абы как составленные ящики в углу пустующего третьего этажа. – С-сука...

За такое обращение с оружием надо руки отрывать...

Опустившись на колено перед первым ящиком с откинутой крышкой, для начала глянул на маркировку на боку: «Бункерснаб. Братская помощь всем выжившим! Выживайте и процветайте!».

Внутри обнаружилось шесть помповых дробовиков. Сталь и пластик. Никаких украшений, все оружие одинаково, покрыто консервационной смазкой. Под дробовиками брезентовая прокладка, а ниже картонные коробки с патронами. Шестнадцатый калибр. Картель. Встряхнув брезентовую прокладку, убедился, что это мешок со спрятанным внутри длинным широким ремнем. Там же нашлось еще шесть ремней – от самих дробовиков. Уже неплохо... Не трогая пока другие ящики, я спустился на этаж ниже, прихватил оттуда несколько полотенец почище и поднялся обратно, продолжая слушать излияния Зилроя, что орал на всю башню, звеня посудой на кухне.

Разодрав на повязки одно полотенце, что было многообещающе белого цвета и с остатками пластиковой упаковки, зацепился взглядом за приоткрытый второй ящик. Через секунду крышка отлетела в сторону, а я чуть ли не нырнул в ворох шелестящих упаковок.

Все выглядело... древне и свежо одновременно.

Перевязочный материал нескольких типов, хирургические инструменты в металлических судках, снабженные лаконичными инструкциями плотные связки блистеров с лекарствами, пачки хирургических нитей, отдельно лежащая пила, блестящий хромом расширитель для ребер и много чего еще. Инструкции на нескольких языках. Помимо лаконичных пояснений имелись картинки и яркие высказывания вроде «Суровый сурвер вставит молча» на пачке с ректальными свечами или наклейка на ручке хирургической пилы: «Пилить поперек!».

Содрав пропитанные кровью тряпки, оглядел раны. Медблока ожидать не приходилось – в башне я его не отыскал. Разве что в соседнем Зубе, но не верится, что все так просто. Перерыв остатки лекарств, вытащил с самого дна плоский ящичек с содранными проволочными пломбами. Откинув крышку, увидел четыре противопехотные мины. Перевернув одну, понял, что это неумелая маскировка или тупая шутка – мины оказались толстыми и нихрена не эргономичными аптечками со странно большими световыми индикаторами. Содрав защитную упаковку, отодрал наклейки с расположения игольных гнезд, вжал кнопку до щелчка на внутренней стороне и прижал аптечку к спине справа. Загудевший девайс тут же воткнул в меня пару игл, забирая образцы. Не обращая внимания на последовавшие уколы, я вытащил из уже вскрытого пакета широкий браслет с еще более широким экраном. Допотопная хрень вроде наручного тактического планшета. Содрав наклейки, нацепил его на руку, успев прочитать, что штука автономная и сопрягается с аптечками диапазона «Сурвлайв 4-10», а также с экспериментальными нейрочипами «Сурв-разум» диапазона от 0.99 до 2.4. Так... не сказать, что загривок напрягся в надежде, но я определенно ускорился, цепляя тактику на запястье.

После активации экран засветился, показав сначала шкалу зарядки и сообщив, что заряда хватит еще на сто сорок два часа. Следом появилась надпись «Бункерснаб». И наконец примитивный такт занялся делом, начав проверку окружения. Реально примитив... в мое время они либо уже исчезли окончательно, либо сменились напыляемыми или в виде умной татуировки для тех ретроградных гоблинов, что боялись допускать авто-хирурга к глазам. Хотя боящихся было крайне мало. Зато существовали миллионы тех, кто не принимал ничего в себя по религиозным мотивам. Вот таким, как они, напыляемые планшеты и специальные очки позволили пусть чуток, но приподняться и получить доступ хотя бы не к самой грязной черной работе – менеджеры младшего звена, клерки, курьеры... всех не перечесать, но всех объединяла крохотная сучья зарплата. Не заняв, до следующей корпорационной подачи не дожить... Но это все же лучше, чем подражаться на примерно также оплачиваемые контракты по возведению дамб на границах затапливаемых территорий... Че? Хорошая работа? Она только для тех, кто вставил нейрочип в башку.

Хочешь реального бабла, гоблин? У тебя два варианта – жить в кровавом сумраке, служа мафии, и жить недолго, только если не повезет стать кем-то достаточно весомым... либо же вставить в голову электронный чип и навсегда покинуть системный сумрак и получить доступ к отлично оплачиваемой работе. А заодно доступ ко всей современной технике, где использовалось нейросопряжение – вроде многотонных шагающих механизмов. Если позволишь любой из корпораций вколоть себе в основание черепа еще один имплант – небольшую металлическую каплю размером с ноготь мизинца – откроешь себе дорогу в корпорационные армии, где тебя после качественного обучения посадят в кокпит продвинутого боевого меха, способного в одиночку разрушить до основания небольшой город за считанные часы...

А если нет ничего... иди и строй дамбы, рой отводные каналы для токсичных вод, собирай мертвецов, всплывших из поднявшихся могил затопленных кладбищ, и готовься сдохнуть в ближайшие месяцы от пробирающей до костей парши или утекшей из очередной долбанувшейся АЭС радиации. Ну, может, еще пошлют корчевать обгорелые остатки сожженных в прошлые десятилетия лесов и сажать в мертвые земли тут же погибающие саженцы... Бесполезный круговорот дерьма и гоблинов, где одно превращается в другое...

Тактика на запястье опознала аптечку. И больше не опознала ничего, о чем сообщил улыбочивый человечек в зеленом комбинезоне, что сокрушенно развел руками, поник головой, но тут же снова взбодрился и выставил оба больших пальца, показывая, что переживать не стоит. Он так сильно подался вперед, пытаясь ободрить, что почудилось, будто этот нарисованный хреносос выставил не два, а три больших пальца. При этом проползла куцая строчка под картинкой, оповещающая, что планшет уловил сигнал нейрочипа, но не смог опознать его даже приблизительно.

Дерьмо...

Хотя я не удивлен – сомневаюсь, что у меня в башке может быть что-то из сурверского барахла. «Сурв-разум 0.99»? Идите нахер с таким предложением.

Не опознав нейрочип, планшет вплотную занялся данными с аптечки, высветив ее текущий запас лекарств и их срок годности. Все окрашено желтым, что говорит о более чем среднем качестве химии и о подходящем к концу сроке годности. Хотя срок годности меня волновал мало – ясно, что ничего реально стоящего не пошлют в Зону 40. Я уже понял, что этот кусок прибрежной территории не больше чем ферма морепродуктов и редких овощей. А... ну да... еще они экспортируют алокаль из раздутых животов живых бродильных чанов...

Следом по экрану пошли собранные аптечкой данные. Кровопотеря, странный состав той крови, что еще оставалась в венах, много неопределяемых компонентов, налицо тяжелейший токсикоз, легкая степень радиационного поражения... и следом еще целая страница мелкого текста. Все опять окрашено в желтый. А раз желтый, а не красный – можно не обращать внимания. Это как с жопой – пока болит, но кровь не хлещет, гоблину похер.

Меня больше заинтересовало предложение нацепленного на запястье допотопного устройства обновить его прошивку в любом из подключенных к внешней постапокалиптической сети Бункерснаба терминалов, что может позволить опознать нейрочип у меня в голове. Код доступа не потребуется, сурвер: выживай! Выживай любой ценой!

Да эти ушлепки все столь же круто трахнуты на всю голову...

Ладно... ладно...

– Ты меня вообще слушал? – поинтересовался поднявшийся с бутылкой и тарелкой хмырь в халате. – Непривычно, когда сборщик нагло сидит ко мне жопой. Я ведь хозяин башни!

– Ты не хозяин Башни, – тихо рассмеялся я, забрасывая аптечки в брезентовую сумку, а следом закидывая пачки патронов. – Ты точно не хозяин Башни. И я слышал каждое твое слово. Продолжай. Что ты там только что горестно кричал про жалобу в Дублин?

– Да это я так! Они ведь не добрались до Дублина! И я хозяин башни!

– Ты хозяин половины уродливого прибрежного дерьма, что слеплено из дерьма, окружено дерьмом и пропитано им же, – ответил я. – И сам ты дерьмо... со странной дверцей в животе, что ведет к твоему внутреннему дерьму... А будь ты хозяином Башни... я бы тебя уже грохнул...

После короткой паузы Зилрой предположил:

– Может, я хозяин не той башни?

– А ты хозяин? – задал я встречный вопрос, бросив на него короткий взгляд. – Ты больше похож на крысу, что очень хочет выжить и при этом не лишиться своего уютного крысиного сучьего гнездышка...

На этот раз пауза была подольше, но ответ все же последовал и был ожидаем:

– А я и не отрицаю, – устало пробормотал сникший мужик, буквально стекая по стенке на пол и бухая бутылку между тощих волосатых ног. – Дерьмо... Как же, сука, я устал вертеться... Долбанный Замрод!

– Говори, – рыкнул я. – Говори! Описывай все творящееся здесь дерьмо. Плюй мозгом через пасть. И целясь своими тухлыми воспоминаниями и мыслями в меня.

– Охренеть...

– Давай!

– Да ты не слушаешь! Прилип взглядом к дробовикам и восторженные слюни пускаешь!

– На хороший дробовик можно и слюни пустить, – оскалился я, оглаживая ладонью ствол одного помповика, что чуток отличался от остальных складываемым прикладом.

Убрав оружие в сумку, я докинул еще патронов, после чего с неохотой закрыл клапан и задумчиво затарабанил пальцами по ящику с хирургией.

– Как же, сука, утащить побольше и не потерять быстроту? Жадность гоблина погубит... а затем трахнет и убьет. Рассказывай, Зилрой... иначе, пока ты тут мнешься как дешевая сучка, из твоей сестры выколотят последние остатки мозгов и матки с помощью прикладов и членов. И еще вопрос, чем и куда колотить станут!

– Дерьмо! – едва ли не взвизгнул Зилрой. – С-сука!

– Так любишь сестричку?

– Да в рот ей жопу! Срал я на нее! Но без нее – я труп! До следующих выборов три дня! И без Зилры я выбываю автоматом! Мы же долбаная пара!

– Пара? Трахаешь сестричку?

– Бывает... а порой она меня... но дело не в этом! Мы – пара кандидатов в правители Зоны 40! И нас любят!

– Уверен?

– Да нас обожают все планки! Окажись я на берегу – залижут до смерти!

– Точно уверен?

– Ну да, – вздохнул Зилрой, глянув на мою исполосованную спину. – Понимаю твой скепсис, едва не перешедший в сепсис... но это так! До нас с сестрой тут умирало по десять, а то и по пятнадцать планков в день! Не было никаких договоренностей с тангтарами! Каждую ночь мутанты выходили на охоту, душа и утаскивая из лагеря спящих сборщиков! Каждый день на прибрежный песок выносило обглоданные черепа! Да здесь будто мясорубка работала! Клянусь тебе! Такое впечатление, что вся система была направлена на быстренькое уничтожение всего живого! Канатка выбрасывала новеньких, их полосовали осатаневшие от страха фуриры, забивая до смерти чуть ли не в первые часы. Ночью из моря выходили тангтары... следующим днем мы приманивали мутантов на отравленное желудочной отрыжкой больного жбана мясо... или гарпунили их... А порой и глушили как рыбу динамитом и гранатами, если накопленные бонусы позволяли заказать премиальную доставку. Сплошное, мать его, молотилово! Смертность до тридцати рыл в день – если считать потери от ран, обезвоживания и болезней! А кабинка знай подбрасывает все новых и новых нихрена не понимающих бедолаг со стертой памятью! Ты понял, нет, планк?

– Гоблин.

– Что?

– Я гоблин. Гоблин Оди. Запомни.

– Да понял я уже что ты не планк Влуп... вся Зона 40 это отчетливо поняла, когда щедро умылась скрабом из собственной крови вместе с раскрошенными зубами... я же все видел на экранах... О! Сбилась с темы – так ты понял, гоблин Оди? Тут было молотилово! Куда ни глянь – смерть и кровь! План не выполнялся! План настолько не выполнялся, что мы не могли получить даже самые примитивные медикаменты или инструменты! Голыми пальцами выковыривали из ран осколки раковин и рыбы шипы, а укусы ядовитых тварей лечили припаркой из собственного дерьма! Само собой, все это нихрена не помогало, и планки подыхали как на конвейере бойни!

– Как и должно быть, – кивнул я. – Короче, все шло по задуманному плану, пока не появились вы с членоносной сестричкой. Так?

– Какой еще задуманный план? Кем задуманный? – выпучился Зилрой. – Тут царила кровавая анархия! Всем было на все поспать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.